

ЕЛИЗАВЕТА ДВОРЕЦКАЯ

УТРЕННИЙ ВСАДНИК.
ЧАША СУДЕБ

Князя леса

Елизавета Дворецкая

**Утренний всадник.
Книга 2: Чаша Судеб**

«Автор»

Дворецкая Е. А.

Утренний всадник. Книга 2: Чаша Судеб / Е. А. Дворецкая —
«Автор», — (Князья леса)

ISBN 978-5-9717-0665-6

ISBN 978-5-9717-0665-6

© Дворецкая Е. А.

© Автор

Содержание

Краткое изложение предшествующих событий	5
Глава 1	6
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Елизавета Дворецкая

Утренний всадник, кн. 2: Чаша Судеб

Краткое изложение предшествующих событий

Светловой, единственный сын и наследник славенского князя Велемога, был так красив и удал, что его полюбила сама Леля, богиня весны. Но когда окончился ее срок, богиня исчезла из земного мира, и Светловой затосковал. Тем более что отец решил женить его на глиногорской княжне Дароване, и вот Светловой отправился в путь, чтобы встретиться с невестой.

С ним едет Смеяна, девушка из лесного огнища. Никто не знает ее рода, и ее саму пугают странные силы и способности, часто просыпающиеся в ней. Она равнодушна к Светловой, но понимает, что не пара ему, а он видит в ней только свою названую сестру, мечтая о богине Леле.

Светловой был бы только рад, если бы узнал, что прямичевский князь Держимир, когда-то уже безуспешно сватавшийся к княжне Дароване, намерен снова побороться за нее.

Глава 1

Впереди, шагах в двадцати, между темными стволами мелькнуло крупное рыжее пятно. Сбивая рогами снег с нижних веток, из леса прямо на дорогу выскочил олень. Неловко, тяжело выдернув задние ноги из сугроба, он внезапно заметил людей, отпрянул назад, скакнул прямо по дороге, где со времени последней метели снег изрядно притоптали. Кмети* разом закричали, кто-то схватился за копьё, кто-то за лук со снятой тетивой, висящий возле седла.

– Нет, стойте! – крикнула Смеяна и замахала рукой, бросив поводья. – Не трогайте его!

Кмети оглянулись на нее и выпустили оружие. Все уже привыкли к тому, что просьбы Смеяны неизменно подтверждаются приказами Светловой.

Безумно тараща огромные черные глаза, олень мотнул головой с тяжелыми рогами, метнулся в лес, напал на полузанесенную тропку и бросился назад в чащу. Проваливаясь в глубокий снег, торопливо выбираясь и снова проваливаясь, тяжелыми скачками он довольно быстро преодолел расстояние, отделявшее его от деревьев, и пропал. Кмети свистели ему вслед, стремясь хоть позабавиться, раз охота не получилась.

Тронув коня, Преждан догнал Смеяну.

– Чего нам лов испортила? – крикнул он. – До становища* еще сколько ехать!

– Доедешь, ничего! – отозвалась Смеяна. – Авось не отощажь!

Она недолюбливала Преждана, находя его слишком заносчивым. Он в ответ тоже ее не любил, считая, что тесту место у печи и девке из смердьего* рода нечего делать в дружине княжича. Когда она забавляла Светловую своей болтовней на строительстве ныне сгоревшей крепости, он почти не замечал ее, а теперь ему казалось, что княжич больше прислушивается к девке, чем к испытанным и верным товарищам.

– Да где ты видел, чтобы олень вот так вот, без тропы, да прямо на людей гнал? – продолжала Смеяна. – Думаешь, он тебя за рогача принял, на бой вызывал?

Кмети вокруг засмеялись. Преждан заносчиво вскинул голову, в душе кипя от возмущения. Спорить с ней он считал ниже своего достоинства, но и удержаться от ответа не хватало сил.

– Нет, видно, тебя хотел в свое стадо загнать! – в сердцах ответил он. – Ты же красавица, мимо тебя ни человек, ни зверь спокойно пройти не могут. Да и рыжая ты – оленухе бы в самый раз!

– Да напугал его кто-то, вот и гнал не глядя! – сказал Миломир. Он тоже верил, что Смеяна приносит удачу, и считал, что ссориться с ней совершенно ни к чему. – Видно, кто-то еще на лов вышел.

– Не волки ли? – с беспокойством спросил десятник* Скоромет. – Пора уже голодная, а до жилья еще далеко...

– Нет, не волки. – Смеяна еще раз для верности потянула носом воздух и покачала головой. – Волков я бы учуяла. Ветер оттуда.

– Так ведь конец года сегодня! – подсказал Кремень. – Мы же возле дебрических земель сейчас, а у дебричей верят, что в древние времена под конец года две оленихи из леса выходили и одну из них боги людям для общего пира отдавали...

– А потом люди от жадности обеих съели, и с тех пор ни одной не приходит! – занудным голосом закончил Преждан и вздохнул. – Это мы, батюшка, от нянек слышали. Только это не у дебричей, а у смолятичей такую сказку рассказывают.

– Сам ты сказка! – мстительно буркнула Смеяна.

– Может, здешних людей боги простили и на новогодье бычка из леса выгоняют? – весело предположил Взорец.

– Тогда было бы два, – степенно заметил Скоромет. – А то один.

– А что, может быть! – добавил Миломир. – Ведь у дебричей князь – оборотень, самому Велесу, говорят, сын родной. Может, для него Велес и посылает двух бычков из леса.

– Да ну тебя, оборотней к ночи упоминать! – рассердился Скоромет и стал делать оберегающие знаки. – Думай, что говоришь! Тут уже почти его земля. Знаешь пословицу: о волке речь, а волк навстречь!

– Что, так и будем тут стоять, его дожидаться? – спросил Преждан. – Так поехали, чего встали?

– Ничего, доедем! – утешил Скоромет. – А там и отдохнем как следует. Мы ведь новогодье в Велишине встречать будем, а, княжич?

Светловой слегка кивнул и промолчал. О Велишине ему не хотелось говорить. Даже и думать не хотелось об этом городке, где ждала его нареченная невеста, дочь Скородума глиногорского. Какой она окажется, княжна Дарована? Едва ли ей очень понравится его замысел: сначала съездить в святилище Макоши и спросить богиню, суждено ли им быть вместе. Только если она так же мало желает этого брака, как и он сам. Но на это Светловой не рассчитывал: княжна Дарована уже не в тех годах, чтоб разбрасываться такими знатными женихами, и она дала согласие на брак, одобренный ее отцом. Его надежда сохранить свободу до следующей весны, до возвращения богини Лели в земной мир, была совершенно призрачной. Светловой осознавал это, но и от этой надежды не хотел отказаться.

Смеяна с тревогой поглядывала на замкнутое лицо княжича. Ни о чем не спрашивая, она знала, о чем он думает. Всю дорогу она пыталась внушать ему бодрость и надежду на лучшее, но получалось не так чтобы хорошо. Вокруг лежали снега, приближался конец года, Светловой тосковал, и Смеяна знала, что никто не сможет его утешить, пока не вернется она, Леля-Весна, его единственная истинная любовь.

Кто-то догнал Смеяну. Обернувшись, она увидела Миломира.

– Ты бы послушала, – предложил он и обвел глазами небо и лес. Миломир был одним из тех, кто после всех осенних событий твердо поверил в особые силы Смеяны и относился к этим силам с большим уважением, невзирая на то что сама девушка очень мало походила на премудрую ведунью. – Не услышишь ли, от кого тот олень бежал? А то мне думается, кметю неученому... Я и Кременю говорил...

– А князю не говорил? – быстро спросила Смеяна, поняв, о чем он.

– Князю не до меня было. Да он и сам знает. Я не ведун, но если Держимир так просто отступился – дави меня Полуночник*...

– Чур тебя! – сердито прервала его Смеяна. Однажды она видела Полуночника и вовсе не хотела увидеть еще раз.

– Чур! – виновато согласился Миломир, который все никак не мог избавиться от дурного присловья, подхваченного в детстве от кого-то из челяди. – А только он не отступится. Нужна ему княжна Дарована. Если он про крепость знал – мог и про невесту узнать.

– А мы на что? – сурово спросил Кремень. Кормилец * княжича, оказывается, незаметно подъехал поближе и слышал их разговор. – Здесь уже не его земля.

– Да ведь и не наша! А ему какая разница – чужая земля, своя, один леший! – Миломир махнул рукой. – Ты, дядька, будто сам не помнишь, как он лихо весной на нашей земле воевал!

– Ну, то ему было Истир переплыть, это невелика хитрость. А чтобы он через дебричские леса пустился – не поверю я! – Кремень хлопнул свернутой плетью по сапогу. – Это надо последнего ума лишиться, чтобы без позволения чуроборского князя через его земли ехать. А Держимир, что ни говори, не дурак. И отец его был... Ох, трудный был норов у князя Молне-слава – но человек был умный! Он ни за какую невесту к Серебряному Волку в зубы не ползет.

Кремень обогнал их и поскакал вперед. Миломир проводил его глазами.

– Все равно – мог узнать! – тихо и упрямо повторил он.

Смеяна молчала, мучимая тайным чувством вины. Дружина могла только гадать о том, знает Держимир прямичевский, вечный недруг и соперник в борьбе за княжну Даровану, об их поездке. А она, Смеяна, точно знала, что ему об этом прекрасно известно все – и где, и когда, и кто. Она сама же и разболтала Грачу все о назначенной встрече Светловой с невестой, и время назвала, и городок Велишин. И кто ее за язык тянул? Как-то не подумала она тогда, голова соломенная, что Грач – брат того самого князя Держимира, который сам два раза сватался к дочери Скородума глиногорского. Теперь же Смеяна, случалось, не спала ночами от грызущего беспокойства и раскаяния. Ну, допустим, если князь дрёмичей перехватит невесту, Светловой ничуть не огорчится, наоборот. Но если дело дойдет до столкновения, он будет обязан ее защищать, а битва с дружиной Держимира прямичевского ничего хорошего не обещала.

Слушая их разговор, Светловой подавил вздох. Как все это трудно и запутанно! Пересяливая себя, он согласился на этот брак, потому что в противном случае отец пообещал жениться на Дароване сам, отослав прочь княгиню Жизнеславу. Ничто другое не могло бы заставить Светлова нарушить верность Леле, но такого горя и бесчестия для матери он допустить не мог. «Будь сам как весна. Думай о себе», – говорила ему Светлава той далекой ночью. Да, если думать о себе, то жизнь сразу становится гораздо проще. Пусть княжна Дарована достанется бешеному Держимиру, пусть Скородум, Держимир, Велемог и даже дебрический оборотень Огнеяр воюют друг с другом по очереди или все сразу. Ему-то что за дело? Весна все равно придет своим чередом, снова зазеленеет и нежно зашепчет листва на березах, и она выйдет из белого ствола, его любовь, прекрасная богиня Леля, единственное нужное ему счастье...

* * *

Серая белка сидела на самой верхушке огромной ели на дальнем краю поляны. Она держала в лапах шишку и не спешила убежать, хотя и видела людей далеко внизу. Держимир стоял с натянутым луком и целился в нее – долго и тщательно. Он мог бы выстрелить гораздо быстрее – не всякая цель будет сидеть неподвижно столько времени, как эта глупая белка. Казалось, он нарочно держал в напряжении и тех, кто ждал его выстрела, и себя самого.

– Не попадешь! – с легкой издевкой сказал любящий брат, примостившийся поблизости на обрубке бревна. – Далек.

– Не говори ему под руку! – прикрикнул кто-то из кметей возле едва дымящегося костра.

– А нечего было меня тут оставлять! – мстительно ответил Баян. Его смуглое лицо выражало отчаянную скуку. – Пустил бы меня с Дозором. Тогда бы я был сейчас далеко и не говорил ему под руку. А так буду говорить! Не попадешь! Не попадешь!

– Куда тебе с Дозором, головешке горелой! – с пренебрежением бросил Держимир, не сводя глаз с белки и не ослабляя лука. – Среди говорлинов такие не водятся. Тебя кто приметит – и все дело пропало. Тебя только под личиной и пускать! Ужас ты наш полуночный!

– Да уж не ужаснее тебя! Летом пустил же! – огрызнулся Баян. Он так отчаянно скучал, что даже перебранка с братом казалась развлечением.

– Ну, ну! – подбодрил его Держимир. – Расскажи-ка людям, чем все кончилось, пусть еще раз посмеются.

Белке оставалось жить считанные мгновения, как вдруг в синих глазах князя Держимира мелькнула искра, взгляд стал острее. Что-то живое шевельнулось за деревьями на дальнем краю поляны. Стрела мгновенно свистнула, ударила ветку – чуть дальше от ствола, чем сидела белка, – и целая гроздь еловых шишек градом осыпала человека, в тот самый миг появившегося на краю поляны.

– Таму-Эрклиг-хан! – радостно заорал Баян. – Велес* и Вела*!

– Так-то ты меня встречаешь! – с укоризной крикнул князю Дозор, заметив лук в руках у Держимира. – А мы ведь тебе такую добычу привезли! Смотри!

Он оглянулся к лесу и махнул рукой. С трудом вытаскивая ноги из глубокого снега, из-за деревьев вышли еще четверо кметей. На плечах они несли две олени туши, рога запрокинутых голов пропахивали в снегу глубокие борозды.

Товарищи пошли им навстречу, приняли жерди, донесли до середины поляны, где тлели угли на широком кострище. Тонкие струйки сизого дыма тут же таяли в воздухе. Дозор подошел к Держимиру, сняв шапку и на ходу приглаживая длинные полуседые волосы, по давней заморянской привычке заплетенные в несколько косичек.

– И это всё? – коротко бросил князь. Уперев руки в бока, он стоял возле кострища и смотрел на олени туши с таким пренебрежением, как будто это была пара облезлых белок. – Я вас за этим посылал?

– Нет, не всё, – ответил Дозор. Другой мог бы обидеться на такую встречу, но Дозор хорошо знал раздражительный нрав своего князя и понимал, что волнение перед важным делом не способствует добродушию. – Мы видели их. Правда, мы смотрели сзади, издалека, но княжича Светловая ни с кем другим не спутаешь. Дружины человек сорок. С ним Кремень.

– И все?

– Если точнее, то еще с ним девица какая-то. А так – все.

– Не очень-то много на такое дело! – прогудел Озвень.

– Его в Велишине Скородумова дружина ждет, – напомнил Дозор. – Уж князь Скородум любимую дочь без охраны не оставит, так что дружина эта, я думаю, будет сотни в три.

– Так что не грусти, воевода, будет с кем подраться! – крикнул Баян. – Дозор, а что за девица-то с ним?

– Да вот, думаю, вроде нашей... – Дозор кивнул на шатер, стоявший на краю поляны под толстой елью. Из-под приподнятого края полога медленно текла легкая струйка дыма.

Однако князь Держимир не спешил радоваться привезенным вестям, хотя именно ради этих вестей они и жили в лесу на поляне уже пятый день. Покусывая нижнюю губу, он смотрел куда-то в глубь чащи и что-то обдумывал. Потом обернулся к шатру. Словно отвечая на молчаливый призыв, из-под полога выскользнула Звенила. Поверх привычной рубахи с широкими рукавами на ней был длинный волчий полушубок мехом наружу, и звон серебряных подвесок звучал из-под него приглушенно. Лицо ее выглядело бледным и спокойным, но Держимир невольно поежился. Со времени заклинания громового колеса чародейка вызывала у него боязливое отвращение, но приходилось терпеть – в таком походе без нее не обойтись. Большую дружину по чужой земле не проведешь тайно, а бросаться в битву за княжну Даровану с двумя десятками «леших» – глупо. Требовались иные средства, и здесь она была незаменима.

– Вы дерево привезли? – требовательно спросила она у Дозора.

– Нету там такого дерева! – Дозор развел руками. – Не выросло что-то. А может, здешний леший нам его отдать не захотел! – быстро добавил он, пока никто не догадался истолковать его слова как сомнение в мудрости чародейки.

– Зато там был свежий пень! – так же поспешно вставил другой кметь. – Дубовый, как ты говорила. Видно, наше дерево кто-то раньше нас срубил. Тоже, видно, прознали, что дерево для Небесного Огня подходящее.

– Раньше нас? – Держимир сердито прищурился. – Опять раньше нас! Если так дальше пойдет, то и ездить незачем!

– Не тревожься, княже, – успокаивающе и немного заискивающе сказала Звенила. Отвращение князя не составляло для нее тайны, и она готова была на все, чтобы преодолеть его. – До темноты еще есть время. Я найду другое доброе дерево. Нашу удачу никто не отнимет.

Кмети занялись оленьими тушами, разложили яркий огонь. За время путешествия по глухим лесам вдоль Стуженя, где существовала опасность столкнуться с дикарями-личиви-

нами, они привыкли к ощущению постоянной опасности и сейчас чувствовали себя даже свободнее: здешние жители отличались замкнутостью и не были любопытны. Если их заметят местные смерды – они не станут приглядываться, примут за лесную нечисть и пойдут скорее прочь. А от оборотня не спасешься, так что лучше встретить его сытыми и сильными.

Держимир отошел к костру, присел на обрубок бревна, протянул ладони к огню. Дозор устроился рядом. Князь едва заметно двинул бровью: слушаю.

– Я видел тот пень и видел щепки, – шепнул Дозор. – Совсем свежие, и следы от пня уходят к Истиру, где речевины ехали. Как бы княжич Светловой нашу удачу не перехватил, а?

– Нет! – упрямо ответил Держимир, не отрывая взгляда от огня. – Помнишь пожар? Она сделала то, что обещала. И сейчас сделает. Я ей верю.

Дозор ничего не прибавил, а Держимир вдруг встретил темный взгляд Баяна. «Да, она сделает! – словно говорил ему брат, вспоминая ночь громового колеса. – Но во что это тебе обойдется?»

* * *

Становище Велишин, последнее на пути полюдья смолятических князей, располагалось на высоком холме над речкой Велишей, за несколько верст до ее впадения в Истир. Как шлем на голове великана, виднелась стена с заборолом* наверху, тесные улицы детинца*, большой княжий двор. В воздухе над становищем плыли дымы печек, даже казалось, что можно различить запах жилья – дыма, хлеба. Славенцы повеселели, видя, что до теплого, сытного, долгого отдыха осталось совсем немного.

За месяц путешествия с дружиной Светлова Смеяна успела повидать столько становищ, что ее уже не занимали ни высокие стены, откуда можно увидеть всю округу чуть ли не на день пути, ни терема* княжьего двора под лемеховыми* крышами, ни конюшни и амбары, ни мельтешение чужого народа. На улицах было шумно, велишинцы толпились у ворот, во все глаза рассматривали речевинского княжича с его дружиной. А Смеяна старалась угадать: приехала ли уже глиногорская княжна?

На крыльце терема стояли только мужчины. Смеяна почти не слушала, как они приветствуют Светлова, а все оглядывала окошки терема. Много ли увидишь зимой, да еще снаружи, через серую слюду?

– А это кто? – раздался вдруг надменный голос. – Тоже с вами, что ли?

Быстро обернувшись, Смеяна встретила взгляд холодных бледно-голубых глаз глиногорского воеводы Прочена. Она не знала, кто это такой, но этот человек сразу вызвал в ней какое-то враждебное чувство.

– А это наша ведунья, – тут же отозвался Миломир и протянул руки Смеяне, чтобы помочь ей сойти с седла. – Она нам раны заговаривает, лихорадки отгоняет всякие. Сам знаешь, батюшка, в походе то-се...

Но Прочен, не особо приняв к сведению объяснение Миломира, быстрым цепким взглядом соединил Смеяну и Светлова.

В гриднице речевинов встретил князь Скородум.

– Здравствуй, здравствуй, дружок! – быстро говорил он, протягивая навстречу княжичу разом обе руки. Своим простым и сердечным поведением он так сильно отличался от Велемога славенского, что Смеяна ни за что не угадала бы в нем князя. – Рад, что ты добрался наконец. Мы уж тебя ждали-ждали... И догонять трудно, и ждать трудно, особенно если догнать не хочется...

Тонкие пряди белых волос, ниспадавших на плечи из-под богатой шапки, длинные висячие усы, красный нос глиногорского князя выглядели так забавно, что Смеяна едва сдержалась.

И это-то муж первой красавицы говорлинских земель, княгини Добровзоры! Но потом Смеяна поймала его взгляд и перестала смеяться. Голубые глаза смолятического князя рассматривали Светловую с жадностью и притом с каким-то тревожным сочувствием. Это был добрый и сердечный человек, и она вздохнула: ведь и ему вся эта повесть со сватовством дочери стоила немалых тревог.

– Ну, иди сюда, – продолжал он. – Вот она, моя дочь.

Вдоль стен, увешанных ткаными и вышитыми коврами, сидели на лавках несколько женщин. В глаза Смеяне сразу бросилась молодая стройная девушка – ее невозможно было спутать ни с кем. Грач не обманул, рассказывая о ее необычной, ни на что не похожей красоте. Кмети рассказывали, что глиногорскую княжну прозвали Золотая Лебедь – теперь Смеяна видела, что Дарована заслужила это прозвище. Ее волосы оказались золотисто-рыжеватыми – светлее, чем у Смеяны, с более мягким и чистым блеском. А цвет глаз точно совпадал с оттенком волос – Смеяна не поверила бы, что так бывает, если бы не увидела сама. На княжне была верхняя рубаха из мягкого красновато-коричневого шелка, расшитая сложными узорами из мелких кусочков янтаря, искусно подобранного по цвету от прозрачно-желтого до темно-коричневого, почти черного, и ничто другое не могло бы лучше подойти к ее облику. На руках ее блестели браслеты из кусочков огненного янтаря, оплетенных тонкой золотой сеткой. Не верилось, что такую красоту сотворили человеческие руки.

В сердце Смеяны вспыхнула зависть – редкий, чуть ли не впервые явившийся гость. Княжна Дарована тоже уродилась рыжей, но это не мешало ей быть прекрасной, как солнечная дева-вила. Она так хороша, так знатна, и отец любит ее больше жизни – стоило только поймать нежный и тревожный взгляд удрученного князя Скородума, устремленный на дочь, чтобы убедиться в этом. И в придачу Дарована станет женой не кого-нибудь, а Светловоя! Лучшего жениха на всем свете! Если бы Мать Макошь предложила Смеяне занять место Дарованы, она не пожалела бы ничего за такое счастье. Оказывается, и независтливый нрав остается таким лишь до тех пор, пока не встретится нечто по-настоящему достойное зависти.

Однако лицо Дарованы, румяное, без веснушек, с ровными мягкими чертами, показалось ей чуть-чуть печальным, и Смеяна удивилась: о чем может грустить такая красавица?

При виде жениха княжна встала, и Смеяна тут же заметила, что та не выше ее ростом, но гораздо стройнее. И пристально взглянула на Светловоя: что он?

А он – ничего. Принял чашу из рук Дарованы, поклонился, поблагодарил. И хоть бы что-нибудь еще сказал! Нет, его лицо оставалось таким же спокойным и задумчивым, будто перед ним не стояла одна из лучших невест всех говорлинских земель. Так же он мог бы смотреть на любой воротный столб. «Ослеп он, что ли? – искренне негодовала Смеяна. – Такой подарок ему от Макоши, а он что?»

Но княжну Даровану, как видно, равнодушие жениха не разочаровало и не удивило. Она посмотрела на отца, как будто хотела сказать: «Вот видишь? Что я тебе говорила?» И Скородум пожал плечами: «А что я могу сделать?»

– Княжич Светловоя утомился с дороги, – поспешно сказал Кремень, стараясь подправить эту странную встречу жениха и невесты. – Ему отдохнуть надо. А там все вместе и старый год проводим. Прости его, княже.

Дарована вздохнула с облегчением, а князь Скородум заторопился.

– Да, сокол, ехал-то ты далеко, да еще полюдь*... – забормотал он, словно сам был рад скорее спровадить будущего зятя отдыхать. – Что за разговор теперь? Вот отдохнете, и в баню опять же... Топили с утра...

Княжна Дарована молча поклонилась и вышла из гридницы. Кроме нескольких слов приветствия, от нее так ничего и не услышали. Светловоя поклонился ей вслед и хотел идти, но князь Скородум вдруг взял княжича за плечо. Лицо его выражало странную смесь жалости и

суровости. В другое время Смеяна повеселилась бы, но сейчас не могла, всем сердцем ощущая, что душевная боль этого смешного человека не меньше, чем ее собственная.

– Послушай, свет мой! – начал Скородум, глядя в глаза Светловую доверчиво и требовательно разом. Князь смолятичей не умел и не хотел тратить время на вежливые и пустые речи, особенно сейчас, когда дело касалось самого для него дорогого. – Я раньше никогда не видел тебя, а ты не видел ни меня, ни моей дочери. Я не так глуп, как выгляжу, и знаю, что этого сватовства желал твой отец, а не ты.

– Он грозил, что посватается сам, – поспешно сказал Светловой. Князь Скородум внушал ему доверие, на его прямоту хотелось отвечать тем же, и Светловую уже было стыдно, что он приехал за невестой, не питая к ней любви и не желая этого брака. – Моя мать... Я не мог допустить, чтобы отец отослал ее, а он...

– Да, да, мой мальчик, это хорошо. Это делает тебе честь! – сказал Скородум, будто заранее знал все обстоятельства, и у Светловоя потеплело на сердце: похвалой этого человека можно гордиться, потому что Скородум всегда говорит только то, что думает, и безошибочно отличает достойное от недостойного. – Мне жаль говорить об этом, но твой отец... не сказал тебе всей правды. Он уже просил у меня мою дочь для себя. Но я ему отказал. Моя Дарована слишком молода для такого мужа, да и не такой он человек, чтобы сделать ее счастливой. И тогда он стал сватать ее за тебя. Я согласился на обручение, но поставил условие, что моя дочь должна сначала с тобой увидеться. И если ты ей не понравишься, то я не стану ее заставлять. Тебе труднее – ты должен непременно привезти ее в Славен. Иначе твой отец будет искать себе соратников в другом месте. У заревического князя две дочери. И, насколько я знаю Доброволода Мстивоича, хотя бы одну из них, младшую, он отдаст хоть пущевику* замшелому, если это покажется ему выгодным. Так что и тебе, и твоей матери придется трудно, куда ни кинь.

– Я думал вот о чем, – начал в ответ Светловой. Он не собирался заговаривать о главном так скоро, но Скородум уже казался ему ближе родного отца и хотелось рассказать ему все. – Я хотел просить твою дочь, чтобы она поехала со мной в святилище Макоши и помогла мне отыскать Чашу Судеб. Моя судьба настолько запуталась, что люди мне помочь не могут. Только богиня.

– Я передам ей, – Скородум кивнул. – Но сейчас говорить об этом не время – в ближайшие пять-шесть дней только зимние духи будут веселиться на свободе, а добрым людям следует сидеть возле огня. Ты не забыл, что сегодня – конец года?

* * *

Пока речевины устраивались на ночлег в отведенной им дружинной избе, небо начало темнеть. Сегодня был самый короткий день – конец старого года. На княжьем дворе собирался народ. За Светловоем зашел посадник* – пришла пора зажигать новый огонь.

Набросив свою рысью шубку, Смеяна первой побежала на двор. Она любила священный живой огонь, зажигаемый трижды в год: на проводах старого года, на Медвежий велик-день* и на Купалу*. Но не меньше ей хотелось еще раз увидеть глиногорскую княжну. Кмети украдкой переглядывались и недоверчиво двигали бровями, слыша, как Смеяна сыплет восторженными похвалами ее красоте. А у Смеяны после всего услышанного сильно полегчало на душе. Княжна Дарована не рвется замуж за Светловоя, да и слишком она горда для того, чтобы выходить за человека, к ней равнодушного. Уж такая красавица в девках не засидится! И что дураки болтали, будто-де «в ее-то годы» за кривого лешего ухватишься! Ерунда все это – ну какие ее годы? Ей всего-то двадцать лет, а на вид еще меньше. Дарована сама откажет Светловую, и отцу будет не в чем его упрекнуть! И незачем будет отсылать княгиню Жизнеславу, ведь самому Велемогу Дарована уже отказала! Светловой будет свободен без ущерба для чести и

совести, и... Смеяна не решалась загадывать, принесет ли его свобода хоть что-нибудь хорошее ей, но радовалась уже тому, что будет счастлив он сам. Ну, или почти счастлив... Насколько может рассчитывать на счастье смертный, полюбившийся самой богине и навек отравленный любовью к ней, недостижимой...

Когда они вышли, княжна Дарована уже стояла возле своего крылечка с отцом и двумя девушками. Смеяна жадно рассматривала ее, пока сумерки не очень сгустились. Дарована надела шубку из белого горносталя, покрытую темно-красным шелком, такую же шапочку, из-под которой виднелись две косы, закрученные в баранки на ушах, а третья спускалась по спине. Длинные подвески из узорного серебра, похожие на веточки инея, покачивались при каждом движении. Эти подвески, славенской работы, знаменитой по всем говорлинским землям, князь Велемог послал в подарок Дароване еще летом, когда Прочен ехал восвояси. Княжна все-таки надела их – значит, хотела выказать уважение к сватовству.

Перед большим крыльцом посреди двора уже приготовили особые воротца, сверху вниз перегороженные бревнышком. Нижний его конец был заострен и вставлен в углубление большого куска сухого дерева, положенного на землю. Этот дуб сама Смеяна выбрала по дороге, почуяв в нем доброе дерево. Когда все собрались, несколько велишинских кметей обвязали стоячее бревнышко веревкой и принялись быстро вращать его в углублении. Старуха в темном платке сидела на корточках возле воротец, повернувшись к ним лицом, но закрыв глаза, и держала перед собой большую гадательную чашу с широким горлом. Знаки двенадцати месяцев по краям чаши были окрашены кровью. Смеяну наполнял жутью вид этого морщинистого коричневого лица с провалившимся ртом и наглухо опущенными веками. Может, она слепая? Старуха бормотала что-то, но ни единого слова не могли разобрать даже кмети, держащие концы веревки. Велишинская волхва опасалась, что заговоры ее утратят силу, если их услышит чужой, и потому приговаривала так тихо, чтобы слышали только боги. За это ее прозвали Шепотухой. Голова ее мелко дрожала, тряслись длинные пряди седых волос, падающие из-под повоя.

Из углубления, где вращался острый конец бревнышка, потянулся дым. Старуха придвинулась совсем близко, сунула сухой мох, солому из Велесова снопа*. Блеснул огонек, и вся толпа на княжеском дворе радостно закричала. Родился новый живой огонь, знаменуя рождение нового солнца. Старуха опустила пылающий клочок соломы в свою чашу. Видно, там лежала береста или мелкая щепка: из чаши сразу взметнулся мощный язык пламени. Старуха держала полную огня чашу перед собой, но глаза ее оставались по-прежнему закрыты. А Смеяна замерла, прижимая руки к груди, трепеща и робея. Старуха с огненной чашей в руках казалась ей самой Макошью.

– Благодарим тебя, Макошь Матушка, и тебя, Дажьбоже* пресветлый, и тебя, Свароже-господине, за ваш великий дар! – глухим, низким голосом затянула старуха. Смеяне удивительно было слышать, что Сварога прославляют только третьим, но она вспомнила, что смоллятичи считают своей главной покровительницей Макошь. – Благодарим тебя, Князь-Огонь, всем князьям князь, всем отцам отец! Храни нас в году новом, как хранил в году старом, обогрей наши очаги, дай нам хлеба в полях, зверя в лесах, рыбы в сетях, а злую нежить и навий черных, упырей и лихорадок гони прочь, в место пусто!

Горящей веткой из чаши старуха зажгла костер, сложенный посреди двора. Веки ее оставались опущены, но она двигалась так проворно и уверенно, что жутко было на нее смотреть. Она казалась настоящей гостьей из мира мертвых, одной из тех душ, что навещают потомков именно в эти двенадцать дней на переломе года, – ведь мертвые так же слепы среди живых. Яркое пламя озаряло красными и рыжими бликами широкий двор, многоголовую толпу, хором повторявшую вслед за старухой хвалу и благодарность богам. Все дрожало, колебалось между светом и тьмой. Яркие отблески пламени играли на лице княжны Дарованы, оно приобрело

значительный и загадочный вид, золотые глаза при свете огня казались черными. Она напряженно смотрела в огонь, точно хотела увидеть там свою судьбу.

– Подойди! – вдруг приказала старуха, обернув незрячее лицо точно к княжне Дароване.

Та вздрогнула, но смело шагнула к старухе. Смеяна на миг позавидовала: сама она не так быстро смогла бы решиться. Слепая волхва вызывала у нее тот же трепетный испуг, как когда-то Мать Макошь.

Княжна Дарована подошла к старухе. Та опустила огненную чашу на землю, села рядом и подняла лицо к княжне. Смеяна беззастенчиво протиснулась поближе, чтобы услышать, о чем они будут говорить. На дворе стало шумно: мужчины волокли к костру двух барашков и вели бычка, предназначенных в жертву богам.

– Скоро судьба твоя будет решаться, – говорила тем временем старуха Дароване. – Дай мне волос твой, и священный живой огонь Сварожич скажет тебе твою судьбу.

Дарована перебросила через плечо косу со спины, провела по ней рукой, вытянула волосок и подала старухе.

– Но я хотела спросить о моей судьбе саму Макошь. Отсюда мы отправимся к ней, – сказала княжна, и Смеяна обрадовалась, что невеста уже согласна сделать то, о чем ее просил Светловой.

Слепая старуха потрясла головой.

– Не нужно далеко ездить тому, кого судьба ждет у порога! – резко ответила она, словно княжна хотела противоречить воле богов. – Твоя судьба придет к тебе сама. Но не сейчас. А сейчас...

Не договорив, она безошибочно точно выхватила волосок из руки княжны, сжала своими темными цепкими пальцами и бросила в огненную чашу. На миг пламя вспыхнуло так ярко, что княжна невольно отшатнулась, но тут же взяла себя в руки и снова шагнула к старухе.

Шепотуха протянула обе ладони к огню и замерла, на лице ее с опущенными веками было напряженное внимание, как будто она ловит слухом очень далекие тихие голоса. Княжна ждала, стараясь казаться спокойной. Потом старуха заговорила, выбрасывая слова по одному, с перерывами:

– Вижу я дорогу... Человек чужой, черный, стережет ее. Сия дорога – неверна...

Женщины вокруг заохали, услышав такое сумрачное предсказание.

– Вижу я и другую дорогу... – продолжала старуха. – Дорога на гору... Светлый человек идет за тобой, но не пускай его...

Княжна учащенно дышала от волнения и прижимала руки к груди; князь Скородум хмурился, стараясь лучше расслышать и понять, какими страхами грозит его любимой дочери эта безумная вестница Надвечного Мира. А Шепотуха тянула дальше:

– Вижу я и третью дорогу... Дорогу по осколкам... И красный человек встретится тебе...

– Что же дальше? – поспешно спросила Дарована, не в силах терпеть это напряженное ожидание. – Кто он?

Но старуха молчала, точно у нее кончились слова, и только трясла головой.

– Ты наговорила так много, а мы хотели знать только об одном, – сказал князь Скородум, подойдя к костру и обнимая дочь за плечи. – Что же ты скажешь про княжича Светловоя?

– Пусть княжич подойдет! – велела в ответ старуха.

Все оглянулись к толпе речевинов, где стоял среди своих кметей Светловой. Под десятками взглядов он медленно подошел, подал старухе свой волос. Лицо у него было спокойное до равнодушия. Пламя ярко вспыхнуло. Шепотуха послушала голоса огня и заговорила. Теперь ее голос звучал ровно, как будто она видела перед собой прямую и ясную дорогу.

– Ликом ты светел, княжич, потомок Сварога, но семя думы тяжелой точит тебя, ест твое сердце. Сам ты не знаешь, но помысел твой уже есть дело недоброе. Ты хочешь взять себе то, что принадлежит всем.

– Да нет же! – возразил Светловой, едва старуха замолчала. – Ничего я такого не хочу...
– Хочешь! – непреклонно повторила Шепотуха. – Взор твой смотрит в свет, но ноги идут во тьму. Глаза твои на свет глядят, а тьма тебя за руку ведет. Берегись!

Стоявшие вокруг ничего не понимали. Понимала одна Смеяна, не сводившая со старухи очарованных глаз. Княжич Светловой стремится за Лелей, но путь его направляет Вела, темная и недобрая хозяйка подземной воды, мать засух. Ведун ее рода, Творян, еще дома говорил ей о черном зерне, затаившемся в душе Светловой. Так сказала ему Вода, а теперь и Огонь подтверждает пугающее пророчество.

Устав с дороги, в этот вечер Смеяна рано отправилась спать, но долго не могла уснуть. Сквозь щели оконных заслонок она видела огненные отблески со двора – священный огонь будет гореть все двенадцать дней новогодних праздников, до Велесова дня. Стоило Смеяне закрыть глаза, как те же отблески вспыхивали перед ее взором. Неприятные слова старухи не давали ей покоя, она ворочалась, мечтая, чтобы скорее пришло утро, чтобы наконец что-то начало происходить. Самые большие опасности казались ей лучше, чем ожидание их.

* * *

Сквозь темную чашу ночного леса свет большого костра на поляне был виден далеко, но если бы кто-нибудь и заметил его, то не посмел бы подойти. Не то люди справляют в лесу конец старого года, не то лешие... «Лешие» князя Держимира жарили над костром двух застреленных утром оленей, но разговоры все время прерывались, и каждый невольно вслушивался в тишину зимнего леса. Дозоры не дремали, обеспечивая безопасность стану, но каждый боялся не тайком подобранных врагов, а чего-то совсем другого. Хуже ничего и не придумаешь – ночевать в глухом лесу в самом конце старого года, когда вся нечисть и нежить входит в наибольшую силу. И сейчас, раз уж их сюда занесло, десятки сильных вооруженных мужчин видели своего главного защитника в немолодой усталой женщине с серебряными подвесками в виде лягушиных лапок на одежде.

Чародейка сидела на еловых лапах перед костром. Между нею и огнем тремя лучами блестили клинки трех мечей. Звенила раскладывала на клинках и на земле между ними какие-то тонкие высохшие косточки, бормотала что-то, закрыв глаза.

Князь Держимир стоял позади нее и смотрел на пламенеющие клинки. Средний меч принадлежал ему. Он вглядывался в огненные блики на клинке, сквозь которые проступали темные пятна. Эти пятна оставила засохшая жертвенная кровь – тоже его собственная. Кровь князя – самая угодная жертва Перуну*. Держимир вглядывался до боли в глазах, кровь и пламя сплетались в непонятные знаки. И он ждал, чувствуя, как сильно истомлен ожиданием. Если сейчас боги откажут ему в удаче, то найдет ли он в себе силы продолжать все это? Ведь говорят, что выше головы не прыгнешь, злой судьбы не переспоришь.

– Я вижу! – вдруг громко, исступленно закричала Звенила. – Я вижу знак воли богов! – Ее вытянутая рука указывала на средний меч. – Я вижу резу* дороги и резу удачи! Удача ждет тебя, княже! Теперь ты добьешься ее, Огонь говорит ясно!

Держимир вскинул голову, шурясь от рези в глазах. Кмети бросили свои дела и столпились вокруг, стараясь ничего не упустить. А Звенила, стоя на коленях, схватила руку князя и бешено трясла, как будто хотела разбудить.

– Я клянусь тебе именем Перуна, именем Грома и Молнии, – я вижу знак удачи! – кричала она, и в голосе ее звучало такое дикое торжество, что становилось ясно: она сама не очень-то верила в такое счастливое предзнаменование, но теперь говорит правду. – Ты добудешь ее! Твой меч и мое слово – мы добудем твою удачу! Добудем!

Держимир молчал, пламя гудело, словно подтверждало слова чародейки. Байан-А-Тан вдруг выхватил с пояса нож и полоснул себя по запястью. Подняв руку над огнем, он дал нескольким крупным каплям крови стечь в пламя. Один за другим, по кругу, кмети стали делать то же самое, жертвуя Перуну и Огню свою кровь за исполнение добрых предзнаменований. У них одна судьба с князем и одна удача на всех.

* * *

Наутро, пока велишинцы еще спали, в город прискакал гонец из Славена.

– Княгиня Жизнеслава занемогла, из горницы* не выходит, не встает! – объявил он встревоженному Светловую. – Просит тебя, княжич, с невестой и со всей дружиной скорее домой возвращаться.

– Да как же теперь ехать? – изумился Кремень. – Дай Велес здоровья нашей княгине, да только сейчас пора не для разъездов.

– Верно, верно! – сочувствующе закивал князь Скородум. – Жаль княгиню, да ведь сейчас ехать опасно.

Люди в гриднице переглядывались, качали головами, озабоченно поджимая губы. В последние дни месяца студена* никто не выходит из дому без большой надобности, а пускаться в дальний путь и вовсе безумие. В дни безвременья между смертью старого и рождением нового года, в дни младенчества нового солнца, когда новорожденный Золотой Ягненок едва держится на ногах и лучи его почти не достигают земного мира, нечисть гуляет по земле в небывалой силе. И тем более опасно жениху отправляться в дорогу с невестой – нечисть стережет всякого, чья судьба на переломе: нареченных, молодоженов, беременных женщин, новорожденных детей.

Но Светловой, тревожась о матери, ни о чем таком не думал.

– Нет, надо ехать! – уговаривал он Скородума и Кременя. – Матушка моя меня ждет! Надо ехать! Ты, князь Скородум, с княжной оставайтесь, конечно, зачем вам зимней нечисти в пасть соваться, а я поеду!

– Поедем и мы, батюшка! – подала голос княжна Дарована, сочувственно глядя на Светловую. – Уж вместе, так вместе.

Дружинам был отдан приказ собираться в дорогу. Решительно никто этому не обрадовался.

– Дави меня Полуночник, если князюшка наш не нарочно это все придумал, – бормотал себе под нос Миломир. – Нарочно гонца прислал, чтобы жених и невеста не слишком долго думали.

– Да что ты? – Товарищи ему не верили. – Княгиня наша всегда была здоровьем слаба. Не станет князь такого выдумывать! Не может он хотеть, чтобы его сын с невестой в безвременье ехал! Эдак совсем не доехать можно – ни сына, ни невесты!

Миломир не спорил, но оставался при своем мнении. И по крайней мере один человек в Светловоевой дружине был с ним полностью согласен.

Около полудня длинный обоз – князь Скородум с дружиной, княжной и ее прислугой, с приданым, дружина Светловая и Кременя – выехал из Велишина. Впереди их ждал маленький речевинский городок Журченец, где Светловой ночевал по пути сюда в последний раз, и Кремень надеялся попасть туда засветло.

День выдался серым и мурным, все широкое ложе Истира было засыпано снегом, на котором еще виднелись вчерашние следы Светловоевой дружины. Лес по обоим берегам дремал в сугробах, а вдали сероватый снег сливался с серыми снеговыми облаками. Перун спал в снежной туче, и весь мир спал, видя во сне весеннее пробуждение. Но до него еще было так далеко!

Княжна Дарована ехала на рыжем, как солнце, коне, на узде и на стремях звенели серебряные подвески и бубенчики. Поглядывая на нее, Смеяна не уставала восхищаться: княжна Дарована казалась ей прекрасной и величавой, как сама Солнцева Дева. Такой и должна быть княжна: статная, гордая, смелая! Неудивительно, что князь Держимир сватался к ней дважды. Украдкой Смеяна переводила взгляд с Дарованы на Светловоя, но он едва поздоровался с невестой и, казалось, больше о ней не вспоминал. Тревога о матери захватила его целиком. А может быть, его сердце не замечало земной красоты, стремясь к небесной.

«Кто науз* наложит, только тот и снимет! – вспоминала Смеяна, что сама когда-то говорила Грачу. – А на него науз сама Лада* наложила. Снимет ли? Или... или кто-то другой? Может быть, я...» Пугаясь собственной смелости, закрывала рукавицей рот и толкала коленями лошадиные бока, скакала впереди всех, взрывая снежные вихри и звеня бубенчиками на сбруе, как сама Зимерзла. А почему бы и нет? Ведь освободила же она Грача! Знать бы только, что тут перегрызть...

* * *

Звенила первой поднялась на высокую прибрежную гору. Князь Держимир шел за ней, стараясь не наступать в следы чародейки. За ним шуршали сапоги дружины, но снег не скрипел – было не очень холодно, для сурового месяца студена почти тепло. С горы открывался вид далеко во все стороны, и все же мир казался тесным. Вершины деревьев упирались прямо в серые тучи.

Сумерки медленно и неотвратимо надвигались на земной мир. Синяя зимняя мгла, ненадолго отпрянув, стремительно возвращалась на свое широкое ложе, окутывала леса и реки, в эти короткие дни принадлежащие ей безраздельно. Стояла тишина, только изредка мелкими порывами холодил лицо ветерок.

Оглядевшись, Держимир ощутил неприятную робость. На этой горе он был открыт всем ветрам, всем злым вихрям, несущим сглаз, болезни, смерть. И Звенила, в длинной белой рубахе, в волчьем полушубке, с распущенными волосами, казалась живым воплощением этих бед, одной из лихорадок, Ветровой Матерью. Держимиру стало страшно рядом с ней, и он крепче сжал зубы, отчего лицо его сделалось еще более суровым и ожесточенным. Никто не должен знать о его страхе. Ворожба Звенилы послужит его благу, поможет переломить злую судьбу и заставит ее подобреть! Даже зная, как это опасно, упрямый князь готов был отдать хоть всю свою кровь, но добиться удачи.

Кмети, поднявшись вслед за вожаком к вершине, встали широким полукольцом за спинами князя и чародейки. Звенила вышла вперед, повернувшись лицом к заснеженному Истиру. Ветерок трепал длинные пряди ее волос, в которых скопились снежинки... или это седина? Внезапно заметив эту седину, на которую раньше не обращал внимания, Держимир поразился – неужели она так стара? Он попытался сообразить, сколько лет чародейке, но не мог. Она появилась в горницах его матери, когда ему было лет десять, и он не замечал перемен в ней, как обычно не замечаются перемены во всех близких.

Держимир вспомнил седую прядь у себя на виске, нашел глазами Байан-А-Тана. Тот выглядел мрачным и спокойным, как сам куркутинский повелитель мертвых Таму-Эрклиг-хан. Чуть не лишившись любимого брата, сам Держимир едва не поседел в неполных тридцать лет. А чего лишилась Звенила? Да и имела ли она хоть когда-нибудь что-то хорошее, кроме трудной и опасной близости с Надвечным Миром?

В руках Звенила держала большую неуклюжую метлу из дубовых веток. Подняв ее над головой, чародейка стала кружить по широкой площадке, двигаясь против солнца, запела,

изредка опуская метлу и сметая снег вниз, на лед Истира. Снежинки летели, подхваченные ветром, а Звенила пронзительно тянула под беспорядочный звон своих бубенцов и подвесок:

На тридевятиом небе стоит город медный,
А в том городе медном терем железный!
А в том тереме сидит сам Стрибог-Ветровей,
Дух Бурен*, с устами затворенными!
Закован он в семьдесят семь цепей,
Заточен за семьдесят семь дверей,
Заперт на семьдесят семь замков,
На семьдесят семь крюков!
Собирались облака издалека!
Собирались птицы серые, клювы железные!
Стали бить-клевать замки и оковы!
У небесной мельницы жернова вертятся!
Ты вставай, Стрибог-Отец, выпускай своих сыновей!
Первого сына – Ветер Восточный,
Второго сына – Ветер Закатный,
Третьего сына – Ветер Полуночный!

Отвечая заклинанию, серые снеговые облака заколебались, побежали по небу чуть быстрее. Сильнее потянуло ветром; Держимир вдруг осознал, что промерз до костей, но постарался собраться с силами, как будто это ему сейчас предстояло вести облачную битву. А может быть, так и есть?

Он взмахнул рукой. По его знаку кмети разом выпустили в небо два десятка стрел, стараясь дострелить как можно выше, чтобы железные наконечники, как клювы серых облачных птиц, разбили тучу и выпустили ветер.

Звенила закружилась на месте, затрясла волосами, сильнее замахала метлой. Снег летел с горы целыми тучами, ветер загудел громче, словно пробуя заново голос, и чародейка пронзительно кричала, чтобы не дать ветру заглушить заклинание до того, как оно обретет полную силу:

Вы летите, буйные ветры,
Не зеленого леса ломати,
Не на поле коренья вон корчевати!
Вы, буйные ветры, летите,
Снежны облака гоните!
Быстрою метелью землю завейте!
Небо затмите, солнце запорошите!
Небо и земля содрогаются,
Горы и доли колебаются,
Снежны облака распадаются,
Снеги велики на волю вырываются!

На краю небосклона загудела многоголосая суровая буря; Дух Бурен, посланник Стрибога, мчался к земле.

Кмети дружно ударили мечами о щиты, вплетая железный звон в шум надвигающейся бури, приглашая ее ответить, поспорить.

И Дух Бурен ответил: резкий порыв ветра едва не снес с вершины Звенилу, но она продолжала иступленно кричать, упираясь в снег рукоятью метлы:

Ветры-ветерочки, вихори-вихрочки!
Спусти я с вами свои слова, свою силу,
На свою сторону, на весь простор!
Где ее найдете, там и возьмете,
На зеленом лесу, на крутой горе,
на сыром коренье!

Байан-А-Тан первым опустил меч и самозабвенно завыл, подражая волку, и вой его подхватили кмети, словно волчья стая, поющая хвалебную песню своей зимней повелительнице – Зимерзле*.

Они уже почти не видели друг друга: над Истиром сомкнулись темные облака, тучи снега неслись с неба к земле, метель мчалась со всех сторон, заглушала голоса, слепила взоры. Недавняя тишина пропала, дикие ветры, спущенные Стрибогом с ледяных цепей, порвали ее на клочки и разнесли по свету, побросали в лесу на ветви и коряги. Весь мир стал серым мглистым кружением, верчением, завыванием.

А где-то у края обрыва вертелась и завывала Звенила. Сама Зимерзла вошла в нее и плясала дикую пляску своего торжества.

* * *

– Бросай коня, садись ко мне за спину! А не то снесет! – Наклонившись к уху Смеяны и крепко держа ее за плечо, Светловой кричал во весь голос, но девушка едва слышала его.

Второй рукой он держал перед собой щит, пытаясь прикрывать себя и ее, но дикие порывы снежного вихря рвали щит из рук, едва не сбрасывая с коня самого всадника. Казалось, что наступила ночь – так потемнело от хмурых туч, затянувших небо. Но и самих туч уже давно нельзя было разглядеть; не удавалось даже толком открыть глаза, поднять голову – плотный снежный вихрь слепил, душил, колот кожу сотнями ледяных стрел, сек ледяными бичами. Выронив щит, Светловой просто обнял Смеяну, прикрывая ее руками.

Люди закрывались от ветра локтями, кони топтались на месте, не в силах сделать ни шагу.

«А коня куда?» – хотела крикнуть в ответ Смеяна, но не смогла открыть рот – его тут же залепило снегом, и она плотно сжала холодные губы. Сказать «тпру» у нее уже не получилось бы, а стало быть, еще немного, и надо будет срочно в тепло, отогреться. Ей казалось, что кожа у нее на лбу уже заледенела, и не верилось, что день начинался хмурым, но тихим и теплым. Сегодня утром – это когда? Бушующий Дух Бурен сожрал время, растянулся на дни и месяцы, поглотил весь белый свет.

В реве бурана послышался обрывок странного низкого звука. Это было похоже на вой, но в нем угадывался голос живого существа.

– Волки! – кашляя, хрипло крикнул кто-то из кметей, но крик растаял в реве ветра.

– Обо... ротни... – кое-как прохрипел кто-то.

Кажется, это был Кремень, и у Смеяны перехватило дух от ужаса: он прав! С самого начала она чувала что-то неестественное в этой внезапной буре, как будто решившей в один день исчерпать все силы, отпущенные ей на долгую зиму. Какие-то тени носились в этих злобных вихрях, кто-то торжествовал и визгливо смеялся, свистел пронзительно и зловеще.

Светловой сорвал с пояса нож и не глядя метнул его в крутящийся снежный вихрь. Из глубины плеснул отчаянный низкий вой и тут же растворился в гуле и свисте. Вихревой дух

был ранен или даже убит, но ни пятен его синей крови, ни сам нож увидеть не удалось. А вокруг вертелись и носились в дикой пляске сотни таких же вихрей, стремясь сбить, закружить, сожрать без разбора людей и лошадей, знатных воевод и простых отроков*.

Кто-то, облепленный снегом от сапог до шапки, выскочил под самой мордой Смеяниного коня и схватил его за узду. Человек попытался что-то крикнуть, но голос его порвало на клочки и унесло. Тогда он просто потянул коня за собой. Упираясь, с трудом ступая и мотая головой, ослепший конь медленно пошел за ним. Смеяна пригнулась, стараясь спрятаться за шеей коня, но животное тоже пригибалось, и Смеяна цеплялась изо всех сил – вот-вот ее сдует, заметет снегом так, что никогда не найдут!

Нельзя было понять, в какую сторону они двигаются и двигаются ли вообще или топчутся на месте. В толпе дружинников Смеяна изредка видела только своего проводника. Она надеялась, что Светловой где-то рядом, но не могла его разглядеть.

Наконец порывы ветра стали слабеть, вой и визг снеговой нечисти поутих, а потом и совсем умолк. Но снег продолжал валить густой пеленой, ослепляя, весь мир казался темно-серым. Смеяна догадывалась, что еще не ночь, но тучи так плотно укрыли небо, что белый свет запутался в них и не достигал земли.

Впереди меж снежных хлопьев показалась большая куча каких-то темных, косматых, заснеженных зверей. Конь Смеяны почти уперся мордой в крайнего и остановился. Зверь обернулся, провел лапой по морде, из-под снега показались рыжая борода и прищуренный глаз.

– Вот она, твоя красавица, княжич! – закричал зверь вполне знакомым человеческим голосом, обернувшись в другую сторону. – Нашлась!

Смеяна очень обрадовалась – значит, Светловой где-то поблизости.

Дружина сбивалась в кучу, пересчитывая своих и перекликаясь, все ли живы. Ветер почти стих, уже можно было различать голоса, и Смеяна слышала, как где-то поблизости за снежной пеленой спорят Прочен и Кремень.

– До Журченца мы по такому снегу до ночи не доберемся! – доказывал Кремень. – Нечего и думать!

– Здесь нам тоже нечего стоять! – возражал ему смолятич. – Ты в снегу хочешь ночевать? Лучше мы дойдем до жилья попозже, но будем спать у огня! Ты о княжне подумай!

– Нас никто не пустит в Журченец! Когда стемнеет, они закроют ворота и не откроют никому! Сам знаешь, дни-то какие нехорошие.

– Ох, Матушка Макошь, Дажьбоже пресветлый! – причитала где-то рядом кормилица Дарованы.

– Уймись, матушка! – ответил ей голос княжны. – Все живы, не зови нечисть напрасным плачем.

– Давай, батюшка, шатры ставить! – крикнул впереди голос Преждана. – Не доедем мы в темноте, заблудимся! До утра переждем, а там и снег перестанет!

С трудом откопав занесенные волокуши обоза, кмети и отроки принялись ставить шатры. К счастью, первым под руку попался шатер Скородума, покрытый медвежьими шкурами. Его поставили прямо посреди Истира, где ехали, и туда же Миломир отвел Смеяну.

– Побудь пока, передохни, а там, захочешь, мы тебя к себе заберем, – пообещал он.

– А княжна меня пустит? – боязливо шепнула Смеяна.

– Иди быстрее! – Миломир поднял тяжелый полог, уже из бурого ставший белым, и подтолкнул ее внутрь.

Она вошла и сразу вздохнула свободнее: в шатре хотя бы снег не шел, и уже оттого казалось теплее. Было темно, но в дальнем углу посверкивали искры: кто-то старался выбить огонь.

– Княжна светлая! Овечка золотая! – почтительно позвал Миломир, шагнув вслед за Смеяной.

Щурясь, он пытался разглядеть в темноте хоть что-то, но измученные ветром глаза слезились.

– Я здесь, – ответил из глубины знакомый мягкий голос. – Кто там?

Смеяна быстрее привыкла к темноте и уже различила несколько женских фигур, в том числе и шубку княжны с белой горностаевой оторочкой.

– Овечка золотая! – Миломир вслепую поклонился на голос. – Благополучна ли ты?

Боярский сын был хорошо воспитан: в отличие от иных, владеющих только конем и оружием, он знал, как следует вести себя в княжеских хоромы и как положено обращаться к дочери того или иного княжеского рода.

– Спасибо, внук Сварога! – ответила княжна Дарована, не видя, кто к ней обращается, но по выговору распознав речевина. – А благополучен ли княжич Светловой и его дружина?

– Княжичу и дружине дороже твое здоровье, золотая овечка, и доброе расположение! – заверил ее Миломир и попросил: – Не согласишься ли ты, светлая княжна, принять под свой кров эту девицу, нашу ведунью?

– Это ваша ведунья? – спросила княжна и даже шагнула вперед, пытаясь разглядеть получше. – Вот как? Почему вы раньше не сказали, что у вас есть своя ведунья?

– Велес и Макошь хранили нас здоровыми...

– Почему же она не предсказала этот дикий буран? Мы бы не выезжали из Велишина.

– Это не настоящий буран! – воскликнула Смеяна. Ее вежества не хватило дожидаться, пока спросят. – Его не Стрибог послал! Он навороженный! Я снежных духов чую – они веселые, они играли с нами, их кто-то послал!

– Ох, Матушка Макошь! – охнула где-то в углу нянька.

Загорелся глиняный каганец*, желтый огонек разлил тусклый свет по шатру, и он сразу показался тесным. Две девушки жались друг к другу, нянька сидела на мешке и терла лицо мокрым платком. Княжна Дарована шагнула назад, в тень – Смеяна успела разглядеть, что ее лицо раскраснелось от снега и ветра, веки опухли и глаза невольно жмурились.

– А что же ты их не успокоишь? – недоверчиво спросила княжна у Смеяны.

Ей не очень-то верилось, что такая молодая, пусть не особенно красивая, но веселая и бойкая девица может быть ведуньей и ездить с дружиной именно в этом качестве.

– Я не умею, – Смеяна развела руками. – Я снежную нечисть чую, а гнать ее меня никто не учил.

Она вздохнула – может, и сумела бы, и хватило бы сил, если бы знать, как взяться.

Поклонившись на прощание, Миломир вышел.

– Садись. – Дарована кивнула Смеяне на кучу сваленных мешков и сама села в стороне.

Смеяна едва успела поблагодарить, как вдруг издали послышался далекий, тягучий, заунывный волчий вой. Он шел откуда-то из края небес, рождался в дремучих лесах и едва достигал слуха, но в нем звучало что-то столь тоскливо-угрожающее, неотвратимое, что леденела кровь, волосы шевелились на голове, слезы неодолимой жути выступали на глазах.

– Оборотни, – осевшим от страха голосом охнула нянька княжны. – Дебрические... Мать Макошь! Оборони от волков, от оборотней, от лихих людей...

– Да будет тебе, матушка! – с досадой прервала ее Дарована. – Ну какие тут оборотни? Мы ведь уже на земле Огнеяра.

Она говорила так, как будто пребывание на землях князя-оборотня обеспечивало им полную безопасность. Удивленная Смеяна посмотрела на княжну, а та вдруг ахнула:

– Да у тебя глаза светятся! Ты сама-то – не оборотень?

– Нет, нет! – Смеяна поспешно зажмурилась, желая погасить желтый блеск своих глаз, и потрясла головой. – Меня и дома оборотнем дразнили, а я вовсе нет. Ты не бойся, княжна!

– А я и не боюсь! – с насмешкой ответила Дарована, и две ее замерзшие девушки тоже захихикали. – Чего мне бояться, если самый могучий оборотень, что только в говорлинских землях есть, – мой брат названный?

– Ты про Огнеяра говоришь? – с любопытством спросила Смеяна. – А я слышала, он тебя украсть хотел?

– Это было давно, – ответила Дарована и непонятно вздохнула, словно жалела о прошедшем. – У меня тогда... Ну, ладно! – Она махнула рукой, не желая об этом говорить. – Бояться нечего. Огнеяр нас не обидит и другим не даст.

За стенами шатра слышались звон оружия, торопливые приказы. Дружины готовились отражать нападение оборотней.

– Поди скажи им, – велела княжна одной из своих девушек.

Та встала с несчастным видом, поежилась: вылезать из шатра под снегопад не хотелось.

– Я пойду! – Смеяна вскочила с места.

Из слов княжны она сразу сделала вывод: если буран нагнал не князь дебричей Огнеяр, то, значит, кто-то другой. А кто еще был врагом Светловою и желал помешать ему? Только Держимир дрёмический. Пугать понапрасну княжну незачем, но Светловой должен знать, с каким противником ему предстоит сейчас столкнуться.

Полог шатра не сразу поддался: за это время снегопад успел насыпать под ним целый сугроб. Кое-как выбравшись через щель, Смеяна сразу провалилась по колено. В лицо ей будто кто-то бросил горсть снега: порывы ветра опять усилились.

– Тебе чего? – окликнул ее возле самого полога незнакомый голос кого-то из смолятичских кметей.

– Княжич где? – спросила Смеяна, закрывая руками лицо от снега и стараясь прокричаться через посвист метели.

– Да там у них шатры! – Кметь неопределенно махнул рукой в белую мглу. – Не знаю!

– Позови мне княжича или хоть кого из речевинов! – нетерпеливо потребовала Смеяна. – Скажи: идет на нас беда не слабее громового колеса! Они поймут! Иди! Иди же!

Смолятичу вовсе не хотелось тащиться куда-то в метель, но в голосе Смеяны была такая убежденность, что он не посмел перечить. Упираясь в снег древком копыя, как посохом, он сделал шаг и тут же растворился в белой мгле.

Смеяна мерзла, но не шла назад в шатер, а стояла под снеговыми вихрями, пытаясь хоть что-то разглядеть. Совсем как в тот страшный вечер пожара, ее переполняло ощущение тревоги. Кто-то наслал на них небесный огонь, кто-то наслал буран, а велишинская волхва предрекала княжне чужого человека на дороге. «Как я раньше не догадалась! Дура безголовая!» – казнила себя Смеяна. Сообрази она сегодня утром – и ни за что не дала бы Светловою уехать из Велишина. Как бы ни спешил он домой к матери, она сумела бы его удержать!

Издали снова донесся протяжный волчий вой, и Смеяне захотелось зажать уши, не слышать его. Он служил подтверждением ее самым неприятным догадкам. Все-таки и в ней жила сила леса, позволявшая распознать обман.

Вой был весьма искусным, но это пел не настоящий волк.

* * *

– Не нравится мне этот вой! – прокричал Баян, склонившись к самому уху Держимира. Держимир отвернулся, не ответив. Ему и самому не нравился вой, долетевший из невидимого сквозь буран леса, но отступить было поздно.

– Скорее, княже, иди, иди! – кричала Звенила, из последних сил размахивая метлой с разлохмаченными и наполовину обломанными прутьями. – Силы Духа Бурна не бесконечны! Он выдыхается! Иди! Облачная Дева ждет тебя, Отец Грома!

Держимир поморщился – чародейка сама не понимает, что несет, да и никому этого не понять. Похоже, ее дух сейчас находится в Верхнем Небе* и разговаривает с самим Перуном. Но из Держимира сейчас Перун никакой – еле ноги держат.

Спускаясь с прибрежной горы вслед за Озвенем и Баяном, Держимир упирался в снег древком копья и повисал на нем всей тяжестью. Его била дрожь, ноги ослабли, руки плохо слушались. Силы Духа Бурна не бесконечны? А его силы бесконечны? У кого безумная старуха берет силы для своей ворожбы, как не у него? Держимир уговаривал себя, что все это делается для его же блага, но смириться не мог. Да, ему нужен этот буран, но где взять силы для самого дела? Это только в кошунах младшего брата посылают за невестой – Держимир хотел все сделать сам.

Идти следом за Озвенем и другими было чуть легче, и скоро Держимир уже стоял на льду под горой. Два десятка его кметей собрались вокруг, закрываясь щитами от летящего снега, но порывы ветра рвали щиты из рук. Зимняя нечисть не разбирает, кто и на кого ее призвал, а рада сожрать без остатка все, что дышит и движется.

Говорить что-либо не имело смысла: слова услышала бы одна только буря, а кмети и сами знали, куда и зачем им идти. Держимир молча сделал первый шаг, и все двинулись за ним. Увидев, как тяжело идет князь, как покачивается при каждом шаге, Байан-А-Тан пристроился рядом, готовый поддержать, если понадобится.

– Перун-Громовик гонит по небу Облачную Деву, невесту свою! – завывал в ушах у Держимира голос Звенилы.

Услышать ее на самом деле было невозможно. «Мерещится», – решил Держимир, а голос продолжал выть:

– Перун настигнет ее и возьмет в жены, и благодатный дождь прольется на земной мир! Иди, княже, и ты настигнешь невесту свою, и дождь благодати прольется на твою землю, на твое племя!

Неужели Перуну тоже бывает так плохо?

* * *

– Так, по-твоему, это не настоящие волки? – с беспокойством спросила княжна Дарована. Смеяна неопределенно повела плечами.

– Если не настоящие, то это Стая! – со смешанным чувством облегчения и неуверенности сказала Дарована.

– Какая стая?

– Дружина Огнеярова. У него все кмети волками так воют, что настоящие волки не отличают.

– Нет, – Смеяна качнула головой. – Настоящие волки всегда отличат. Я же отличаю.

– Если и правда Стая близко, то ничего, все будет хорошо! – с горячей надеждой сказала княжна, не заметив последних ее слов. – Тогда ничего... Он... Мне в Велишине старуха говорила: на дороге ждет черный человек. Может, это про Огнеяра? Он тоже черный, но он нам зла не сделает. Наверное, это он!

Смеяна смотрела на нее с удивлением: княжна словно бы ждала дебрического оборотня и надеялась на его появление. Это было непонятно: все, кого она встречала раньше, старались не упоминать его имени к ночи и необходимость ехать мимо его земель принимали как очевидное несчастье. И подумать страшно: оборотень с волчьей головой!

Полог рвануло снаружи, в шатер влетел ветер со снегом.

– Смеяна! – крикнул голос Светловоя.

Смеяна вскочила и бросилась из шатра, а Дарована удивленно проводила ее глазами: она так мало слышала голос своего жениха, что не узнала его.

– Иди сюда! – Крепко схватив княжича за руку, Смеяна тянула его в шатер.

Но он не хотел заходить, поскольку старался поменьше находиться рядом с княжной. Торопясь, Смеяна выскочила наружу, и Светловоя поспешно накрыл ее с головой полой своего плаща.

– Чего ты меня звала? – прокричал он. – Она тебя не обижает?

– Какое там! Ты вой слышал?

Светловоя кивнул.

– Это не простые волки! – кричала Смеяна. Она тянулась к самому уху Светловоя, он нагнулся к ней, но она боялась, что за шумом бурана он ничего не разберет. – Я нюхом чую – это Держимир! Как он на нас громовое колесо наслал, так и это его рук дело! Он где-то близко! Я знаю! Надо спасаться скорее! Надо княжну увозить!

– Но куда ехать – в такой буран! Кони шагу ступить не смогут! Да и Держимировы кони тоже! Нет, надо ждать! – закричал Светловоя. – Пойдем в наш шатер! Так надежнее!

– Не пойду! – закричала Смеяна в ответ. – Ему не я нужна, а она! Я от нее никуда не пойду!

Но Светловоя то ли не мог, то ли не хотел ее слушать; не обращая внимания на крик, он схватил Смеяну за руку и потянул за собой. Она рвалась и упиралась, пыталась еще как-то убедить его, и тогда Светловоя сорвал с плеч плащ, завернул ее, подхватил на руки и понес, с трудом пробиваясь через буран.

* * *

– Вон он! – Дозор непочтительно толкнул Держимира локтем. – И она!

Они стояли в трех шагах от белой громады заснеженного шатра, вокруг шевелилось несколько фигур, но буран слепил, заставлял опускать лицо, заслонять глаза и не оставлял никакой возможности отличить своих от чужих. Лица, одежда, оружие – все было залеплено снегом и выглядело одинаковым. Держимиру это казалось дурацким сном: они с Дозором и Озвеном стоят посреди неприятельского стана, но мечи остаются в ножнах – в них нет надобности. Своих и чужих безжалостно секут десятки ледяных мечей, кусают разошедшиеся духи зимних бурь! Вот зачем требовалась ворожба Звенилы – сотворенный ее руками буран заколдовал врагов, сделал многочисленные дружины речевинов и смолятичей бесполезными и бессильными перед горстью дрёмичей. В снежном мареве победит тот, кто знает, куда идти. И Держимир знал: его целью был шатер княжны Дарованы, подробно описанный всезнающим Дозором.

Не боясь, что кто-то его увидит и узнает, Держимир смотрел на шатер, различая высокую фигуру юноши и девушку рядом с ним. Ветер доносил до его слуха обрывки взволнованного, испуганного голоса девушки: она кричала – то ли просила о чем-то, то ли требовала. Княжич тянул девушку от шатра, схватил за руки, она вырывалась.

Держимир шагнул вперед, стараясь собрать в кулак все силы для последнего, самого главного шага.

Светловоя завернул девушку в свой плащ, взял на руки, понес, пригибаясь под порывами ветра, тяжело проваливаясь в снег. О ком еще он стал бы так заботиться, кроме как о невесте?

– Давай! – крикнул во весь голос Держимир и толкнул Озвения.

Несколько фигур мелькнуло вокруг, но ни те ни другие не могли ничего разглядеть. Держимир и Озвень разом шагнули вперед. Воевода поднял секиру и обухом ударил Светловоя по голове. меховая шапка смягчила удар, но княжич упал на снег, оглушенный, даже не увидев, кто на него напал.

Прямичевский князь тут же подхватил девушку, завернутую в плащ, успел услышать ее короткий крик, и тут же буря поглотила все звуки.

Пригибаясь под свистящими вихрями, Держимир пошел прочь, чувствуя, как в руках у него бьется добыча, пытаюсь вырваться. Рядом тяжело пыхтел Озвень. Князь упрямо переставлял ноги, с трудом вытягивая их из снега и думая только об одном: не сбиться с пути и выйти к берегу Истира именно там, где нужно, где ждут остальные, где начинается тропка в лес. А в лесу буря ослабеет. Не зря же он в предыдущие ночи не раз изучал этот путь, чтобы его запомнили ноги. Он уже тогда знал, что перед духами бури все равны.

Только бы не сбиться – иначе он со своей ношей будет блуждать по Истиру до утра, а там силы заклятий совсем иссякнут, а с ними и надежды на успех. Не может все это быть напрасно! Один раз добыв свою удачу, Держимир был полон решимости до смерти не выпускать ее из рук и все крепче сжимал пленницу.

А она оказалась удивительно сильной: если бы не ожесточенное упрямство Держимира, он едва ли ее удержал бы. Это же рысь какая-то, а не княжна! Про Даровану Скородумовну говорят, что она величава и горда – но это уже не гордость, это дикость какая-то!

Сжав зубы, он шагал и шагал вслед за Озвеном, который протапывал ему дорогу. Они почти наткнулись на огромный валун – его черная макушка даже сейчас возвышалась над глубоким снегом, и князь вздохнул с облегчением: именно к этому валуну ему и требовалось выйти. Это уже берег, но под снегом разница между льдом реки и землей была не видна.

Спина берега круто изогнулась вверх – к опушке леса. Впереди мелькнули темные стволы, навстречу двинулись люди. Раздались радостные крики: все увидели девушку на руках у Держимира. Кмети подбежали, поддержали его, помогая подняться по крутому скользкому берегу с тяжелой ношей.

– Баян где? – прохрипел князь, отворачивая лицо от снега, чтобы не намело в рот.

Никто ему не ответил, но Дозор принялся колотить мечом по щиту. Другие тоже загремели оружием, подавая знак своим, что дело сделано, и нестройный звон глухо доносился сквозь вой ветра. А зимние духи разлетались прочь, испугавшись острого железа. Держимир передал девушку Озвеню, попытался оглядеться. Кто-то размашисто хлопнул его по плечу, и он узнал брата.

Настала пора уходить. Железный звон прекратился, кмети потянулись по тропе в лес.

Под прикрытием деревьев буря не так ощущалась, порывы ветра ослабели, запутавшись в стволах, снег застревал в ветвях, и можно было идти почти свободно. Озвень шагал в середине строя, перекинув девушку через плечо. Наверное, она устала, потому что больше не вырывалась. Вокруг темнело – наконец-то пришла настоящая ночь.

Впереди мелькнул огонек – зажгли факел, и рыжее пламя плескалось, пригибалось и рвалось на клочки под ветром, но не гасло.

Они все шли и шли, молча, упрямо и быстро, как настоящие лешие. Все вокруг казалось тяжелым, смутным сном, Держимир упрямо переставлял ноги, не чувствуя даже усталости. Нужно дойти, проснуться, а дальше все будет хорошо.

Далеко-далеко меж ветвей затеплился рыжий глаз огня – это Звенила жгла костер на той поляне, которая несколько дней служила им приютом. Оттуда начиналась дорога назад, в земли дрёмичей.

* * *

Наутро весь мир лежал погребенным под горами пушистого, ослепительно белого снега, и вчерашний буран казался дурным сном. Но он не был сном, он был страшной явью, едва не наделавшей больших бед. Княжича Светловоя нашли в снегу просто чудом: один из кметей буквально споткнулся об него. Еще немного – и наследник Велемога мог бы погибнуть. До сих пор он лежал в шатре без памяти и не мог рассказать, почему лишился чувств.

А еще пропала Смеяна – ее нигде не могли найти. Смолятичам не было до нее особого дела, но славенцы не знали, что и подумать: она ведь не из тех, кто может заблудиться. Княжна Дарована рассказала, что ее увел из шатра кто-то из кметей, но никто ничего не знал о ее судьбе.

А на ровной пушистой поверхности снежного моря не оставалось к утру ни единого следа.

Глава 2

За ночь «лешие» князя Держимира ушли верст за пятнадцать – немало по такой дороге. Пленницу посадили на коня, а повод Озвень намотал на кулак, и Держимир почти не думал о ней по дороге. Дело было сделано, цель достигнута, но он так устал, что не мог думать вообще ни о чем, даже об отдыхе.

От усталости он почти не чувствовал своего тела, зато душу его заполняло удивительное, непривычное и оттого особенно сладкое чувство покоя. Напрасно он напоминал себе, что они идут по землям чуроборского оборотня и каждый миг следует ждать беды, да и князя Велемог со Скородумом, когда узнают о похищении княжны, не останутся сидеть сложа руки. Все это верно – но гора свалилась с плеч Держимира и безнадежно отстала, ей больше не догнать его и не забраться на усталые плечи. Прямычевский князь мерно покачивался в седле, закрыв глаза, и чувствовал такое блаженство, как будто уже достиг исполнения всех своих желаний. Ему даже не хотелось пока смотреть на княжну, ради которой пришлось затратить столько усилий. Она здесь, в его руках, и этого пока достаточно.

Приближался рассвет, в лесу понемногу светлело, и пришла пора задуматься об остановке. В глухих лесах следов никто не найдет, но сейчас предстояло пересечь местность возле городка Хортина, довольно плотно населенную. Надежнее было бы зайти в дебрях и переждать до темноты. Дозор уверенно вел дружину к укромной поляне, где они останавливались по пути сюда.

Размышляя, не развести ли костер для зазябшей княжны, Держимир внезапно сообразил, что совсем забыл, как выглядит дочь Скородума. Он видел ее только один раз, год назад, и смутно помнил, что она показалась ему красивой, только смолятическая прическа из трех кос его насмешила, а надето на девушке было что-то голубое, то ли с серебром, то ли с жемчугом. Тогда она держалась тихо и скромно, не хотела с ним разговаривать и почти не поднимала глаз. Хорошо, что на самом деле Дарована оказалась совсем не такой робкой и беспомощной. Вспомнив, с какой силой и упорством пленница вырывалась, Держимир усмехнулся с тайным удовольствием: обилие жизненной силы всегда привлекало его.

Кмети впереди стали сдерживать коней, кто-то соскочил на снег. Князь встрепенулся, стряхнул сонливость: что такое? И тут же узнал место: они добрались до своей прежней стоянки.

Постепенно вся дружина втянулась на поляну, Озвень закинул повод коня княжны на сук.

– Слезай, заря золотая! – прогудел он, по обыкновению все перепутав. – Взойди!

Воевода гулко захохотал, так что снег посыпался с верхних ветвей и несколько серых белок стремглав кинулось прочь.

– Потихе ты, Громоглас! – вполголоса воскликнул Баян. Княжна, закутанная в плащ с головой, шевельнулась при звуках его голоса. – А то не только белок, а и леших распугаешь!

– Лешие с осени спят! – просветил его Озвень. – Ты один, нежить черная, по свету шатаешься.

– А ты все же потихе гуди, – сказал Озвеню осторожный Дозор. – Леший что, а вот дебричи услышат, хуже будет. Толковал же я тебе: тут на один переход пять родов живет.

– Снимите ее. – Держимир кивнул на княжну.

Баян шагнул было к ней, но Дозор отстранил его.

– Не пугай девицу, она и так напугалась, бедная. Сойди, овечка золотая, я тебе помогу, – приветливо обратился он к княжне. – Тебя тут никто не обидит.

– Спасибо, дяденька! – с удивительной бодростью ответил девичий голос из-под тяжелого мехового плаща. – Да я и сама слезу!

Девушка распахнула плащ и сбросила его с головы на плечи. Дрёмичи во все глаза вытаращились на нее, но в первые мгновения никто ничего не понял. Кмети сначала ощутили только разочарование: девица, которую они увидели, никак не заслуживала звания первой красавицы говорлинских земель. А хвалили-то ее, хвалили!

Первым изумленно вскрикнул Баян, потом Дозор схватился за подбородок, как делал в сильном удивлении. Кое-кто видел княжну Даровану прошлым летом в Глиногоре, другие слышали о ней. А девушка, которая сидела на коне, никак не могла быть княжной. С дочерью Скородума ее сближали только рыжие волосы, но лицо у этой было круглое, румяное, со вздернутым носом в богатой россыпи веснушек. Две косы спускались на грудь из-под шерстяного платка – так носят в разных племенах, но не у смолятичей.

Дозор снова охнул: он наконец сообразил, где ее видел. Негодуя вскрикнул Космат – тот, кому эта самая девица прокусила руку в ночь нападения на речевинское огнище*. Тут и другие смекнули, что к чему, ведь многие из тех, кто стоял сейчас на поляне, ходил с Дозором и Озвенем в тот давний летний поход.

Все встало на свои места. Они раньше встречались с этой девушкой, но никак не в Глиногоре и не возле княжеского престола.

Князь Держимир сообразил позже всех. Как ни мало он помнил Даровану, ошибки не могло быть – это не она. Недоуменно моргая, он смотрел на рыжую девицу с желтыми кошачьими глазами и пытался понять, как она здесь оказалась. Он был готов к любому объяснению: что ему это снится, что лешие и мары подменили девушку во время ночной поездки через лес. Но то, что он вырвал из объятий Светловоя и увез не ту, просто не приходило в голову. Ум отказывался принять ту суровую истину, что все труды пропали напрасно.

А девушка сидела на коне спокойно, без недоумения или испуга, словно была уверена, что ее-то здесь и ждали. Сама Смеяна давно все поняла. Она приготовилась даже к тому, что страшный князь Держимир в приступе ярости убьет ее своими руками, но не жалела ни о чем. Ночью она перестала кричать и вырываться как раз тогда, когда сообразила, что произошло, кто и почему ее захватил и куда везет. Дрёмичам нужна Дарована – так пусть думают, что они ее получили, и побыстрее уходят от Истира. Едва ли они станут возвращаться, чтобы попытаться счастья еще раз. А о том, что будет с ней, Смеяна не задумывалась. Вывезет как-нибудь удачливая судьба, не даст пропасть. В первый раз, что ли?

– Смеяна! Красавица ты моя! – вдруг заорал Байан-А-Тан. Опомившись от изумления, он бросился через поляну к Смеяне, снял ее с коня, обнял, потряс, оттолкнул от себя, снова дернул к себе, как будто не верил, и снова обнял. – Вот не чаял свидеться! – кричал он и хохотал от неожиданной радости. – Мать Макошь! Тэнгри-хан*!

– Это что? – невыразительным, тихим голосом спросил Держимир.

Баян сразу унялся. У любезного брата такой тихий голос предвещал бурю.

– Это та самая девица, которая меня у речевинов спасла, – сказал Баян, повернувшись к Держимиру и обнимая Смеяну за плечи. Умный куркутин понимал, что это нужно поскорее вбить брату в голову, пока не поздно. – Она меня в лесу нашла, она мою рану так заживила, что ты шрам найти не мог, она меня и на волю отпустила. Скажи ей спасибо, брате.

Держимир непроизвольно кивнул, но глаза его сузились и потемнели, кожа на скулах натянулась, мелкие шрамики стали наливаться краской. У Баяна дрогнуло сердце: гроза собиралась нешуточная.

– А как она сюда попала? – так же тихо спросил Держимир. – Княжна где?

– А княжна у своих осталась, – ответила Смеяна, глядя ему прямо в глаза.

Даже сейчас, всем существом ощущая смертельную опасность, она не могла побороть любопытства. Она впервые видела прямичевского князя, о котором столько слышала, и жадно рассматривала его. А что, ничего особенного. Не Змей Горыныч какой-нибудь, человек как человек. Среднего роста, крепкий, не старый еще, лет тридцати, пожалуй. Не красавец совсем,

волосы нечесаны, на лице лешие горох молотили... хотя ничего, и похуже бывает. Глаза злые и притом несчастные. Такие люди приносят в мир много бед – потому что хотят, чтобы мир разделил с ними их несчастья.

– У своих? – тускло переспросил Держимир. – А я, стало быть, тебя...

– Ага! – радостно подтвердила Смеяна. Она вдруг почувствовала себя счастливой оттого, что сумела отомстить этому человеку за все беды, которые он принес речевинам, от битвы на Истире до пожара новой крепости. – Ты меня увез, князюшка. Я княжичу Светловую удачу приношу – вот я тебе и подвернулась вместо княжны. И с громовым колесом тебе не слишком повезло. Я княжича и кметей из хором вывела, так что только хоромы сгорели, а люди целы все. А хоромы что – у нас лесу много, еще построим.

Глядя ему в лицо, она ощущала разом ужас и восторг, ее переполняло чувство полета, свободы от всего, от страха и почтения, потому что стоящему на краю пропасти бояться уже нечего. В эти мгновения она была равна гордому князю, нет, сильнее и выше его, потому что все сделала по-своему и одержала над ним победу.

Кмети смотрели на нее как на сумасшедшую, даже Байан-А-Тан побледнел и крепче сжал ее плечи.

– Ты... – вдруг тихо простонал Держимир, и в глазах его отразилась такая ненависть, что даже Баян вздрогнул и растерялся, впервые в жизни усомнившись в своей способности укротить брата.

А Держимир вдруг словно подавился собственным гневом, хрипло и сильно закашлялся, согнулся, хватаясь руками за грудь. Его сотрясала крупная дрожь, он хрипел и задыхался, как чахоточный дед. Рухнув на колени прямо в снег, он мотал головой, хватался за горло, как будто пытался оторвать чьи-то цепкие пальцы. Его не держали ноги, у него не было сил жить, его душила ненависть – к этой девице, ко всем врагам, к своей собственной злой судьбе, опять обманувшей и предавшей в самый последний миг. Но даже выразить эту ненависть у него не осталось сил, и казалось, что сейчас она сожрет его самого.

Звенила бросилась к нему, схватила его за плечо, но Держимир вскинул голову, дернулся и стряхнул ее руку.

– Уйди от меня! – выкрикнул он, и глаза его стали страшными, как у упыря. – Ты! – кричал он, кое-как поднявшись. Рукой он опирался о ствол дуба, но его шатало, как пьяного. – Ты, змея подколотная! Что ты со мной сделала! Опять обманула! Всю силу из меня вытянула, хуже пиявки, хуже Мары и Морока*! Совсем загубила, а все обман! Провались ты пропадом, кикимора, лихорадка дурная! Уйди от меня, видеть тебя не могу!

– Послушай!

Звенила кинулась к нему, но Держимир больше не хотел ее слушать и не мог терпеть рядом с собой. С усилием оттолкнувшись от ствола дуба, он вдруг схватил чародейку обеими руками за горло и стал душить с такой силой и таким удовольствием, как будто чем хуже было ей, тем легче дышалось ему самому. Кмети охнули, вздрогнули, но никто не мог и шевельнуться, ужас приковал всех к месту. Такого они еще не видели!

Чародейка хрипела, рвалась в отчаянной борьбе за жизнь, ее худощавое тело дергалось в сильных руках Держимира, глаза выпучились, в них метался дикий смертельный ужас.

А Смеяна вдруг вывернулась из-под руки Баяна, оставив ему свой плащ, одним прыжком подскочила к Держимиру, вцепилась в его руку и попыталась оторвать ее от горла Звенилы. Князь яростно дернул плечом, стараясь ее стряхнуть, но она удержалась и вцепилась зубами в его запястье.

Держимир вскрикнул от боли и вспышки животного страха: острые зубы Смеяны прокусили вену, брызнула кровь, несколько ярко-алых пятен упало и загорелось на белом снегу.

Руки его разжались, полумертвая чародейка упала на снег. А Смеяна со звериной ловкостью отскочила в сторону и замерла. Она стояла по колено в снегу, убежать было трудно, но

едва ли кто решился бы сейчас к ней подступить. На ее губах и подбородке алела свежая кровь, в лице читалось что-то настолько дикое, такая буйная сила леса горела в ее желтых глазах, что кто-то из кметей не смог сдержать крик ужаса, словно перед ними появился оборотень или упырь. У Космата вспыхнула старая боль под давно зажившим шрамом, словно предупреждая: не приближайся!

Тяжело дыша, Держимир зажимал ладонью укушенную руку, кровь медленно просачивалась сквозь пальцы и падала на снег. Звенила хрипло стонала возле его ног. Смеяна ждала, потихоньку приходя в себя, загоня рысь поглубже в душу, как в нору. Она не испытывала добрых чувств к чародейке, но не могла смотреть, как сильный мужчина душил женщину, – боги такого не позволяют, в чем бы ни была виновата эта лупоглазая «лебедь», знакомая по той летней ночи на огнище Ольховиков. Зато теперь Смеяна знала, что все рассказы про дурной нрав князя Держимира – чистая правда.

Через несколько долгих мгновений князь отвернулся от всех, обернулся к лесу, шагнул к толстому дубу и прислонился к нему, прижался лбом к промерзшей коре. Кмети перевели дух и стали переглядываться: вроде обошлось! Дозор помог Звениле подняться, кое-как поставил ее на ноги, но она не могла стоять и снова села прямо на снег. Чародейка дрожала, звон подвесок казался суетливым, испуганным, жалким.

– Уберите ее! – глухо сказал Держимир, не поворачиваясь. – Уберите. Больше никогда... Увижу – убью.

Все понимали, кого он имеет в виду. Его мутило от ненависти к этому звону, но не было сил продолжить начатое. Гнев утих, но осталась убежденность: больше он не сможет жить и дышать рядом со Звенилой. Ее ворожба выпила из него все силы, но не дала ничего взамен. Его сердце остановится, если чародейка еще хоть раз подойдет близко. Ненависть утомляет тяжелее любых трудов, и Держимир изнемог под этим бременем.

Ни Озвень, ни Байан-А-Тан никогда не видели князя таким – обессиленным и изнемогающим от ненависти. Умный Дозор раньше других понял, что это – всерьез и навсегда. Бережно, но решительно он взял Звенилу за плечо и подтолкнул к ее коню. Она вцепилась в его руку и уперлась ногами в снег. Ее взгляд, устремленный на сторбленную спину Держимира, был совсем безумным.

– Ты не можешь! – выкрикнула она. – Ты не можешь! Я столько сделала для тебя! Столько лет...

Держимир зажал ладонями уши и ударился лбом о кору дерева. Дозор более решительно толкнул Звенилу к краю поляны. Даже спина и затылок князя выражали такое напряжение, что затянутое расставание могло свести его с ума.

– Я приворожила твою удачу! – взвизгнула Звенила, пытаясь обернуться к князю, но Дозор и еще пара кметей решительно тащили ее прочь. – Ты сам не знаешь ее! Злая судьба – зверь, ее надо кормить! Иначе она сожрет тебя самого! Она сожрет тебя! Только я могу тебе помочь! Только я могу кормить этого зверя!

Дозор переложил в ее седельные сумки кое-какие припасы из своих, кмети подняли чародейку на коня, а она все кричала, словно не могла остановиться:

– В каждом человеке сидит зверь и горит свет! Свет светлее, а зверь сильнее! Всегда победит зверь! Ты не хочешь его знать – но он знает тебя! От него не избавишься! Его не прогонишь! Он сожрет тебя! Сожрет!

Дозор, раздосадованный ее криками, сильно хлопнул коня по боку, и тот шарахнулся по натоптанной тропе в лес. Кто-то из кметей свистнул ему вслед, конь скакнул еще раз. Кмети засвистели, загремели мечами о щиты, словно прогоняли прочь нечисть, и железный звон заглушил последние крики чародейки.

Конь ее исчез за деревьями, затих ее пронзительный голос, но слова невидимо висели над заснеженной поляной. В душе каждого они оставили свой темный след. Она обращалась к Дер-

жмиру, но каждый с тревогой прислушивался к собственной душе, выискивая зверя. Страшного зверя, злобного, жадного, себялюбивого, – того, кто тянет дух человеческий в мрачный Нижний Мир. Не хотелось верить в то, что он окажется сильнее Сварожьих искр света, но каждый знал: что тяжелее, то и перетянет.

Наконец Держимир оторвался от ствола и повернулся к окружающим. Звенела исчезла, он старался забыть о ней, как будто ее никогда и не было. Она пропала с глаз, Держимир хотел верить, что никогда больше не увидит ее, и ему уже стало легче дышать, как будто он избавился от чего-то тяжелого и темного в собственной душе.

Взгляд его упал на нечаянную добычу – Смеяну.

Она стояла на том же месте, по колено в снегу, но ожесточение на ее лице сменилось волнением и любопытством. Наблюдая жгучую развязку многолетнего сосуществования Держимира и чародейки, она даже забыла о себе и своей нерешенной участи. Ее била дрожь, хотелось кричать, что это неправда, что свет в человеке не слабее зверя, особенно если сам человек не хочет быть этим жадным и прозорливым зверем. И она уже сомневалась, что правильно поступила, не дав Держимиру задушить Звенилу. Может быть, чародейка и впрямь была его злой судьбой, злым духом в образе женщины, если потакала его вражде и мстительности. И что она будет делать без него? Куда пойдет?

А как ему жить без нее? Она – его судьба, а разве судьбу можно прогнать? С чем тогда останешься?

Держимир встретил взгляд Смеяны, но у него уже не было сил ни на гнев, ни даже на удивление. Он чувствовал себя умершим и глядел на земной мир и на эту заснеженную поляну как бы с того света, из мира покоя и равнодушной тишины. Светлый Ирий* представлялся ему сейчас именно так – как покой и равнодушная тишина.

– Так это ты во всем виновата? – безучастно спросил он. – У людей судьба хоть и злая, да все же одна! А у меня две! Ох, Перуне-Громоверже, зачем я на свет таким уродился?

Князь глубоко вздохнул и свесил голову на грудь. Смеяне стало жаль его: он был настолько слаб и опустошен, что внушал не осуждение и не страх, а только жалость.

– Ты бы сел, брате. – К Держимиру подошел Байан-А-Тан, завел его руку к себе за шею и повел к бревну, оставшемуся здесь с прошлой стоянки.

Кмети поспешно скинули снег с толстого ствола, и Баян усадил старшего брата. Смеяна медленно и осторожно приблизилась и встала в трех шагах.

– А вот и неправда! – почти спокойно, с легким вызовом ответила она, чувствуя себя гораздо сильнее этого несчастного человека. – Не брани свою судьбу никогда. Ты ее не знаешь. Если сам решишь, что она злая, – получишь злую. А будешь добрую искать – найдешь.

– Чужая добрая – мне и есть злая, – вяло ответил Держимир, водя по лбу рукавом. – Вот как ты.

– Нет, брате! – возразил немного повеселевший Баян. – Судьба – как меч, в умелых руках врага зарубит, в неумелых – тебя самого. Кто удачу поймал, тот и владеет. А тебе не надо – мне отдай.

Он весело обнял Смеяну за плечи, веря, что уж теперь-то она от него не уйдет. Но Держимир поднял глаза, посмотрел поочередно на них обоих и мотнул головой.

– Не отдам, – устало сказал он. – Она мне слишком дорого досталась. Тебе, Черный, удачи и своей на три жизни хватит. Кто добыл, тот и владеет, говоришь? Пусть остается покуда, а там посмотрим.

* * *

Смеяна сидела в маленьком шалашике из елового лапника и смотрела наружу через узкую щель. Ей предложили шатер, предназначенный для княжны, но она отказалась – через плотные шкуры не много-то увидишь, а она не хотела чувствовать себя зайцем в мешке. Из шалаша она могла видеть не только поляну перед собой, но и лес по сторонам. Утомленные ночным бураном кмети спали на охапках лапника, двое дозорных сидели на бревнах лицом в разные стороны, еще двое стояли по сторонам, чуть глубже в лесу. До темноты осталось не так уж долго, а после заката дружина Держимира отправится дальше.

Теперь, когда прямичевский князь знает, что увез вовсе не княжну Даровану, оставаться с ним дольше не имело смысла. Смеяне не давали покоя мысли о Светловое. Она скучала по нему и беспокоилась – кто же теперь будет его удачей, ведь она ему так нужна! Всей душой Смеяна рвалась назад, к своему светлому Яриле, которого без нее стережет столько опасностей. От Держимира нужно уходить, и как можно скорее. Но нечего надеяться, что тот ее отпустит. Хотя бы из простой мстительности – уж на что, а на это он способен!

Смеяна не боялась уйти в гущу чужих лесов: лес всегда был ей родным и понятным. Прикасаясь к рысьему клыку в ожерелье, она вспоминала янтарно-золотые глаза с острыми черными зрачками и верила, что они снова помогут ей, если придет нужда.

А что до дебрического оборотня, то она не слишком его опасалась. Ведь княжна Дарована знала его и не боялась. Но сейчас не это важно.

Уйти на глазах дозорных, конечно, не получится. После утренних событий Смеяна заметила, что дрёмичи побаиваются ее, но преданность князю окажется сильнее страха, а их слишком много, чтобы она могла перекусать всех. Нужно как-то от них избавиться. Хотя бы усыпить. А как?

Хмурясь, Смеяна пыталась вспомнить, как Творян заговаривал бессонницу. Ему это ничего не стоило: только в глаза посмотрит, и любая бабка засыпает, как набегавшаяся девочка. Как там заговаривают? «Заря-Зареница, красная девица, возьми мое бессонье, дай мне сон-угомон...»

Закрыв глаза, Смеяна воображала сон огромным мягким теплым облаком, непроглядным, глубоким. Спит лес под горами снега, сон безраздельно властвует в нем, подчиняет себе все: деревья, кусты, даже лесного хозяина – медведя. Вот облако сна наползает из чащи зимнего леса, окружает белым туманом поляну, тянет прозрачные крылья к дозорным. Не открывая глаз, Смеяна плавно водила перед собой руками, вдохновенно призывала это призрачное бесшумное чудовище и с восторгом чувствовала, что у нее получается: сон услышал ее и идет, готовится поглотить дружину, вторгшуюся в его лесные владения. На нее саму накатывалась сонливость, голова клонилась на грудь, веки тяжелели, в душе воцарялись покой и младенческая безмятежность. Как тяжело было не упустить из мыслей дозорных и поворачивать на них эти груды сна!

На поляне стояла тишина, застывшая, неподвижная, как будто здесь и нет людей. Только лошади, привязанные на опушке, потряхивали гривами. Осторожно, словно тайком высывая голову из-под воды, Смеяна открыла глаза. Двое дозорных спали, один уронил голову на колени, сидя на бревне, другой сполз на снег и спал, прислонясь к стволу головой.

Смеяна бесшумно выползла из шалаша. Даже если она не достала своей неумелой ворожкой до дальних дозорных, то может же девушке понадобится выйти?

Она подошла к краю поляны и взглядела в чашу – один спит стоя возле дерева, другой сидит, прислонясь к стволу спиной. Вот и славненько.

Стараясь сдержать ликование, чтобы не разрушить собственные труды, Смеяна пробралась к привязанным коням и сорвала с ветки узду. Спасибо Макоши, что она не княжна: сумеет

и оседлать, и взнуздать. Ласково погладив по морде незнакомого коня, Смеяна быстро завязала с ним дружбу, и он позволил набросить на себя седло.

Торопясь, Смеяна трудилась над застежками, как вдруг позади скрипнул влажный снег и чья-то рука легла ей на плечо.

Она обернулась, готовая мгновенно вцепиться в глаза тому, кто хочет ей помешать, и увидела Баяна. Куркутин хмурился, с трудом одолевая сонливость, его смуглое лицо выглядело помятым. Но и в полусне он сообразил, что она задумала. То же самое, что и он когда-то.

– Ты чего же это, сестричка? – невнятно пробормотал Баян. – Бросить нас хочешь?

– Хочу! – ответила Смеяна. Притворяться перед ним не имело смысла. – Не очень-то вы мне по душе пришлись. Не будем ссориться, брате, пусти.

Баян покачал головой:

– Не пушу. Нам знаешь как удача нужна? Да я ж тебе рассказывал. Держимир своего счастья не понимает. Я тебя как утром увидел, так и понял: ты куда как лучше Дарованы. От нее только и пользы, что Скородум ходить войной поостережется. А ты... Ты и сама не знаешь, что можешь сделать. Ты нам нужна.

– Зато вы мне не нужны! – нетерпеливо ответила Смеяна. – Я не ваша удача, не братца твоего бешеного. Меня Светловой ждет, я к нему пойду!

– Ему чужой удачи не надо, своей хватит. И княжна ему осталась. Да и вообще – он у вас блаженный какой-то. Сама говорила: с самой Макошиной Неделе ты с ним, а он тебе хоть слово ласковое сказал? Ты его любишь, я знаю, – а он-то тебя?

Смеяна опустила глаза. В ней то вспыхивала решимость вырваться отсюда во что бы то ни стало, то вдруг накатывала растерянность: а ждет ли ее Светловой на самом деле? Может, он и не заметил, что она пропала?

– Ты не знаешь! – тихо, почти с мольбой сказала она и положила руки на плечи Баяну, чтобы он не возражал. – Он не может меня любить – его сама Леля приворожила. Он не о девушках мечтает, а только о ней. Он без меня пропадет. Совсем пропадет!

Баян тихо протяжно свистнул, провел рукой по лбу, стараясь проснуться окончательно.

– А я-то... – начал он. – Ну и дела! Один Звенилой одержим, другой и вовсе Лелей. И не знаешь, которому хуже. Мой-то... Вот видишь! – сам себя перебил Баян, у которого почти все мысли в конце концов сворачивали на брата. – Ты со Светловым сколько месяцев, а пользы мало. Молчи! – шепнул он, видя, что Смеяна собирается возразить. – От грома ты его увела и невесту ему спасла – ты от него беды отводишь, а он сидит сложа руки, пригрелся, как жаба на навозной куче. А с Держимиром ты что сделала, погляди только! Он как тебя увидел, так Звенилу прогнал! Ты не знаешь! – горячо воскликнул Баян, напав наконец на самую главную мысль. – Я думал, эта змея подколодная его начисто сожрет, а он от нее по самую смерть не избавится. А с тобой он сразу в силу вошел! И ведь не убил ее! Кабы не ты, он бы ее придушил, тащи меня Кощей, придушил бы! Ей-то поделом, да ведь она мертвая нам бы покоя не дала никому, всех бы нас замучила и с собой в Навье* уволокла. А ты...

Баян говорил быстро и беспорядочно, сонливая хмурость исчезла с его лица, глаза разгорелись. Не закончив, он словно задохнулся от восхищения и звучно чмокнул Смеяну куда-то возле глаза, и она не успела уклониться, поскольку ничего такого не ожидала.

Да, она не знала, каким подвигом стало для Держимира изгнание Звенилы, и удивлялась, почему он не сделал этого раньше. И уж конечно ей не приходило в голову связать это со своим собственным появлением. Баян же смотрел на дело по-другому: он-то знал, как трудно было Держимиру избавиться от чародейки, которую он считал и своим оружием, и своим проклятием.

Смеяна молчала, не находя, что возразить, но по-прежнему рвалась к Светловой и вовсе не хотела оставаться здесь. Баян крепко держал ее за плечи, и Смеяна растерялась, чувствуя

себя пойманной. Не драться же с ним. Да и другие дрёмичи проснутся. Не умеет она ворожить, дуреха неученая! Не умеет!

– Но я же отпустила тебя! – умоляюще заговорила Смеяна, заглядывая Баяну в глаза. У нее в запасе оставался последний довод, который ему нечем отразить. – Я же отпустила тебя, а мне тоже было жаль с тобой прощаться.

– Ты меня отпустила, потому что мне добра хотела. Вот и я тебе добра хочу и потому не пушу, – серьезно ответил Баян.

– Это как? – возмутилась Смеяна и отпрянула от него, прижалась спиной к конскому боку. – Я лучше знаю, что мне нужно!

– Вот и неправда! – Баян уверенно покрутил головой. – Женщины никогда не знают, что им нужно. Светловой – безумец, дивий великан*, одно слово, только тихий пока. Если он о Леле мечтает, то его душа уже не здесь. Он сам пропадет и тебя погубит. А с нами тебе хорошо будет. Ты не думай, мой братец не всегда такой свирепый. Без Звенилы-то, тряси ее лихоманка, он повеселеет теперь. Он тебя беречь будет. Ему ох как удача нужна!

– Но я не хочу, не хочу быть его удачей! – твердила Смеяна. Противоречивые чувства рвали ее на части, ей хотелось то заплакать, то вцепиться Баяну в лицо. – Я удача Светловой! Я должна быть с ним!

– А с чего ты взяла, что ты удача Светловой? – спросил Баян, удивленно подняв блестящие угольные брови, как будто сама эта мысль была очень глупой.

– Я... – начала Смеяна и запнулась.

Она вспомнила их первую встречу на ржаном поле, потом вечер на огнище. Да ни с чего! Сердце подсказало! Что еще нужно? Но как это объяснить Байан-А-Тану? При всей своей веселости, дружелюбии и двух женах в Прямичеве он, похоже, не очень-то понимает, что такое любовь. А кто этого не понимает, тому не объяснишь.

– Он – мой князь, – кое-как нашлась Смеяна после недолгой растерянности. – Мне судьбой и богами велено ему помогать.

– Вот уж неправда! – мгновенно возразил Баян. – Ты мне еще весной рассказывала, что твоя мать не родная Ольховикам, что она издалека пришла. Какого она была племени? Может, не речевинского вовсе, а совсем другого. Вон, у смолятичей все рыжие. Молчишь?

Смеяна и правда не находила ответа. Ольховики не могли рассказать ей, из какого племени ее мать. Она была немая – или просто не хотела отвечать на вопросы. И одежда, в которой она пришла, выглядела поношенной, сшитой не по росту, рубахи с разными узорами – как видно, не свои, чужие.

– И отца своего ты не знаешь, – продолжал Баян. – Вот и выходит, что вовсе ты не должна непременно речевинскому князю помогать! Может, ты нашего племени.

– Но я не хочу быть вашего племени! – Смеяна досадовала и на Баяна, что мешает ей, и на себя, что теряет с ним столько времени. – Я к речевинам хочу!

Неукротимый Баян открыл было рот, как вдруг над лесом прозвучал далекий волчий вой. Казалось бы, ничего необычного, но Смеяна похолодела. Протяжный вой рождался где-то в глубинах леса, отражался от низких серых облаков и летел, летел, как птица с широкими крыльями. В нем звучало что-то глубинно дикое, он словно шел из самой души волчьего племени. Это был голос Князя Волков.

Баян замер с раскрытым ртом, забыв, что хотел сказать и о чем вообще шла речь. На глазах Смеяны всплеснули слезы ужаса, мелкие мышцы лица отказались ей повиноваться, глаза вытаращились, рот приоткрылся, как будто ужас встал в горле и не давал дышать.

– Ты что? – недоуменно спросил Баян, справившись с первым удивлением. Он не обладал ее звериным чутьем к дыханию Надвечного Мира, и такой испуг показался ему чрезмерным.

А она вместо ответа порывисто прижалась к нему и спрятала лицо у него на груди, как будто хотела укрыться от этого жуткого воя. Светловой, Держимир, попытка к бегству, их спор

– все разом вылетело у нее из головы. Осталось то, чему она раньше не уделяла внимания, – разговоры о дебрическом оборотне. Напрасно она считала его выдумкой болтливых купцов – он не просто существовал, он находился не так уж далеко от них. Сын Велеса, Князь Волков, князь племени дебричей – слишком много, чтобы иметь его своим врагом и без разрешения вторгаться в его земли.

– Это он! – едва сумела выговорить Смеяна. – Оборотень! Он близко! Он идет к нам! Я его чую, ты понимаешь? Он идет сюда!

В ее лице и голосе было столько ужаса, что поверил бы и чужой. А Баян знал, что ей стоит верить. Вой повторился; теперь низкому глубокому голосу Князя вторило несколько голосов потоньше – простых волков. И они раздавались ближе, чем в первый раз.

Баян соображал быстро. Оставив испуг и удивление на потом, он бросился будить спящих. Через несколько мгновений все оказались на ногах, поспешно протирали снегом заспанные лица, оправляли одежду и оружие.

– Скорее седлать и ходу отсюда! – распорядился Держимир. Недолгий отдых его подбодрил, слабость и равнодушие прошли, он выглядел собранным и решительным. – Дебрический волк нам не по зубам, в драку напрасную лезть нечего, попробуем уйти. А не выйдет – тогда и поглядим.

– Он там! – Смеяна показывала на полуночь – как раз туда, куда им нужно было идти.

Она едва сдерживала дрожь, ей хотелось бежать без оглядки, прятаться. Только куда спрятаться от оборотня? Во владениях Князя Волков чужаку не укрыться и не запутать следа.

Время от времени вой доносился из чащи леса, и каждый раз он становился ближе, словно накатывался волной.

– Они нас загоняют, – пояснил Дозор, и его голос казался неестественно спокойным. – В кольцо берут. Давайте к реке – там простора больше.

Почти мгновенно собравшись, дрёмичи поскакали по вчерашней тропе назад. При этом им не раз вспомнилась Звенила, тоже уехавшая по этой дороге. Уж не она ли и навела на них дебрического оборотня? Но Баян был прав: мертвой она причинила бы гораздо больше вреда, чем живая. Дебрический оборотень хотя бы наполовину человек.

– Пятнадцать верст – не так уж далеко! – крикнул на скаку Баян, обернувшись к Смеяне. – Днем, да по старой тропе – до Истира доскачем. А на Истире он нас не тронет! Истир и он уважает!

«Вы сами-то не очень Истир уважали, когда на Прочена напали!» – подумала в ответ Смеяна. Но хотелось верить, что Князь Волков уважает священную реку больше, чем несчастливца Держимира. Только вот успеют ли они под защиту священной реки?

Теперь повод ее коня никто не держал, но Смеяна не испытывала желания ускакать от дрёмичей. Куда? К оборотню? Князь Волков внушал ей такой неодолимый ужас, что даже Держимир по сравнению с ним казался близким, чуть ли не родным. Она острее простых людей чувствовала силу оборотня: эта сила была разлита в воздухе, искрилась в каждой снежинке, дышала в стволах деревьев. Вокруг стоял его лес, его глаза наблюдали за беглецами из складок коры, это к нему несся по ветру шепот ветвей: «Здесь! Здесь!» Смеяне казалось, что эта сила уже пожирает ее, лишает воли к сопротивлению.

Кони тоже чуяли близость волков, и их не приходилось погонять. Довольно быстро дружина оказалась на берегу мелкой лесной речки, впадающей в Истир. Это уже была прямая дорога к спасению, оставалось верст десять, и все немного приободрились.

Вдруг Смеяна заметила на снегу цепочку волчьих следов. На скаку она не успела ее рассмотреть, но тут же глаз зацепился за вторую, пересекавшую речку от берега до берега, потом вдоль тропы потянулась третья. Волки тоже не любят вязнуть в снегу и предпочитают натоптанные тропы лосей или кабанов.

Кто-то впереди охнул. Смеяна вскинула голову и успела заметить волчью тень, мелькнувшую за деревьями. Волк бежал неспешно, понутив голову, и казался сутулым, усталым, равнодушным к топоту людей и лошадей. Волчий вой слышался только сзади, а впереди было тихо. Может быть, как раз там их и ждали? Ведь на то и оборотни – даже в зверином облики они сохраняют человеческий разум.

Додумать эту мысль до конца Смеяна не успела. Ехавшие впереди стали резко натягивать поводья, схватились за мечи и луки. Задние чуть не натыкались на них, дружина сбилась в тесную кучу. Держимир с ожесточенным лицом схватился за копье. Неширокое русло заснеженной речки было перегорожено стволом толстой ели, и возле пня еще желтела на снегу свежая щела. А посередине ствола спокойно сидел один-единственный человек. Едва глянув на него, Смеяна всем существом ощутила, что это он и есть: Огнеяр чуроборский, Князь Волков.

На первый взгляд вид его поражал, и тут же возникало убеждение, что именно таким он и должен быть. Смеяну удивила его молодость – он выглядел года на двадцать три, не больше, но в длинных черных волосах отчетливо виднелась седая прядь надо лбом. На нем была серая безрукавка из волчьего меха, перетянутая широким поясом с множеством серебряных бляшек, за поясом торчал боевой топор с серебряным узором на обухе. Из-под накидки виднелись не шерстяные рукава свиты, что уместно зимой, а белые рукава рубахи с красивыми, искусно вышитыми дебрическими узорами на предплечьях и возле запястий. Его смуглое лицо с правильными резкими чертами выглядело спокойным и умным, в блестящих чисто-карих глазах тлела глубинная красная искра. Во всем облике Князя Волков угадывалось что-то настолько нечеловеческое, что становилось жутко. И он удивительно хорошо вписывался в образ зимнего заснеженного леса, как его живое продолжение. Сам лес глядел его глазами и дышал его грудью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.